

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЬ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—30 к. съ стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печниковой.

Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара
считаются безплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.

Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1901 г. V годъ изданія.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 1 Апрелья.

СОДЕРЖАНІЕ: Протесты и недоразумѣнія.—По поводу собранія общ. драмат. писателей.—Искусство будней. П. Янцева. — П. Н. Араповъ. И. Иноземцева. — Хроника театра и искусства. — Письмо въ редакцію В. М. Янова.—Диванъ Татьяны (разказъ) А. Тумскаго.—На порогъ (продолженіе) Арсенія Г.—Провинціальная лѣтопись.—Объявленія.

Исунки: Т. Сальвини и труппа театра Литера-

№ 14.

турно-художественнаго Общества.—Ө. И. Шалипинъ у себя (рис. П. Ассатурова). Ө. И. Шалипинъ въ роли Мефистофеля, Мимодрама «Рука».

Портреты: † В. И. Немировичъ, Женни Гроссъ.

Приложеніе: Библіотека театра и искусства.

Вып. III. 1) «Любительская сцена» (продолженіе).

Юр. Озаровскаго, 2) «Литература хореографіи» В. Стылова.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА 1901 г.

НА ЖУРНАЛЬ

„Театръ и Искусство“

(пятый годъ изданія).

6 р. на годъ, 4 р. — полгода.

Въ разерочку вносится 4 р. при подпискѣ и 2 р. къ 1 Юня.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

„ЧЕСТЬ ДОРОЖЕ ДЕНЕГЪ“

пьеса для солдатскаго театра, премированная на конкурсѣ журнала „Театръ и Искусство“

Н. Ф. Дингельштедта.

Цѣна 75 коп.

Ближайшая повинка Александринскаго театра:

„ФРЕЙЛИНА“

драма въ 4-хъ дѣйств. Л. Урванцова.

Цѣна 2 р.

Высылаются наложеннымъ платежемъ.

С.-Петербургъ, 1 Апрелья.

Странные слухи доходятъ до насъ: будто въ Москвѣ составляется «протестъ» противъ постановленія Общаго Собранія Театральнаго Общества отъ 17 марта. Въ основаніе «кассационной жалобы» кладется тотъ фактъ, что нѣсколько десятковъ лицъ «записалось» членами Театральнаго Общества специально для того, что-

бы рѣшить вопросы въ желательномъ Совѣту смыслѣ. Вѣрно-ли это или нѣтъ — мы не знаемъ. Къ сожалѣнію, въ члены Театральнаго Общества до сихъ поръ дѣйствительно «записывались», а не избирались, и весьма возможно, что были и лица, специально «записавшіяся» для того, чтобы присутствовать на Собраніи и содѣйствовать торжеству своихъ взглядовъ. Одно для насъ несомнѣнно: что если рѣшеніе еврейскаго вопроса имѣеть за собою нравственное большинство, такъ какъ петербургское собраніе его приняло *единогласно*, то точно также рѣшеніе избирать членовъ совѣта изъ обязательнаго списка, принятое большинствомъ 257 противъ 231 голоса, нравственнаго большинства не имѣеть, такъ какъ идетъ въ разрѣзъ съ мнѣніями трехъ комиссій, петербургскаго собранія и Съѣзда, не говоря уже о томъ, что оно идетъ въ разрѣзъ съ принципомъ общественаго учрежденія.

До чего этотъ вопросъ волнуетъ умы, видно по множеству получаемыхъ нами по этому поводу писемъ. Предлагаются самыя разнообразныя мѣры. Одни, возмущенные, кромѣ того, обязательностью вступленія въ Союзъ, предлагаютъ массовый выходъ изъ членовъ Театральнаго Общества. Другіе идутъ еще дальше, и настаиваютъ на томъ, чтобы, въ случаѣ утвержденія уставовъ, немедленно было образовано другое Общество. Наиболее остроумный и практическій выходъ предлагаетъ въ письмѣ г. Б.

«Разъ, пишетъ онъ,—допущено такое нарушеніе избирательныхъ правъ, какъ навязываніе обязательнаго списка, и членовъ Театральнаго Общества заставляютъ санкціонировать кандидатствъ, выбранныхъ Совѣтомъ, то остается пользоваться даннымъ правомъ такъ, какъ дѣло происходило въ польскомъ сеймѣ. Намъ предоставлено право «утвержденія»,

противопоставимъ свое «veto». Принципіально, сколь бы ни были почтенны кандидаты, предлагаемые въ обязательномъ списокѣ, я имъ всѣмъ буду класть налѣво. Такъ должны поступать всѣ до тѣхъ поръ, пока убѣдившись, что это способъ неправильный, Совѣтъ не предоставитъ Общему Собранію свободнаго выбора членовъ Совѣта. Когда Совѣтъ это признаетъ, я, быть можетъ, выберу кого онъ предлагаетъ, но до тѣхъ поръ, пока я связанъ обязательнымъ требованіемъ Совѣта, я всегда пойду противъ его списка. Эту мысль я буду проводить, пока хватитъ силъ; буду писать во всѣ провинціальныя группы, стану, какъ докторъ Штокманъ, проповѣдывать хоть подъ открытымъ небомъ. Нахожу, что несправедливо нарушать права членовъ Общества, и увѣренъ, что встрѣчу поддержку въ товарищахъ».

Какъ можно судить по этому, въ мнѣніяхъ и сужденіяхъ уже начинаетъ преобладать тонъ раздраженія. Это—тревожный признакъ. «Въ единеніи—сила». Могутъ возразить, что единеніе нарушили протестующіе. Намъ думается, однако, что болѣе виновны тѣ, которые вмѣсто начала единенія выставили принципъ *подчиненія*.

Да, это подчиненіе. Весь уставъ Театрального Общества построенъ на подчиненіи, и если необходимо подчинить художественно-промышленную дѣятельность артистовъ и антрепренеровъ регламентации не только суда и администраціи, но еще и ближайшаго учрежденія, то послѣднее можетъ быть только правительственнымъ. Театральная инспекція не должна быть «инвеститурой» частныхъ лицъ, приобретенной большинствомъ. Нигдѣ во всемъ мірѣ нѣтъ и не можетъ быть театральной инспекціи. Но допустимъ, что она у насъ нужна и возможна. Тогда остается ходатайствовать объ учрежденіи особаго на сей предметъ вѣдомства, ибо дѣйствія должностныхъ лицъ подлежатъ обжалованію, какъ въ административномъ, такъ и въ административно-судебномъ порядкѣ, тутъ-же этого нѣтъ. Какъ можетъ возникнуть корпорація, подобная Союзу сценическихъ дѣятелей, при Театральномъ Обществѣ? Съ государственной точки зрѣнія, это столь же курьезно, какъ организація сословія присяжныхъ повѣренныхъ не при Судебной Палатѣ, а при юридическомъ обществѣ. Что сказали бы, если бы обязанности медицинскій инспекціи были возложены не на медицинскій департаментъ, а на общество гомеопатовъ или аллопатовъ? Если бы попеченіе о нуждахъ промышленности лежало не на департаментѣ торговли и мануфактуръ, а на обществѣ содѣйствія промышленности и торговль?

Для каждаго ясно, что существуютъ, по старой, но прекрасной терминологіи Лоренца Штейна, власть государственная и власть общественныхъ союзовъ, которые не должно смѣшивать. Каждая имѣетъ свою область примѣненія, свои способы воздѣйствія. Едва-ли въ исторіи общественныхъ установленій найдется примѣръ такого страннаго смѣшенія функций.

Сколько мы ни напрягаемъ нашу память, мы не можемъ найти ничего подобнаго, даже приблизительно. Правда, у насъ существуетъ Человѣколюбивое Общество, предоставляющее членамъ-благотворителямъ права государственной службы. Но это общество управляется лицами по назначенію, задачи-же его, безъ сомнѣнія, и уже, и ограниченнѣе задачъ Театрального Общества. Тутъ какая-то путаница понятій, началъ управленія, какое-то хаотическое смѣшеніе принциповъ, и мы бы были крайне признательны, если бы юридическіе органы печати обратили вниманіе на этотъ злополуч-

ный проектъ, подобно тому, какъ однажды ими было уже обращено вниманіе на юридическія нелѣпости контрактовъ.

Во всякомъ случаѣ, и это для насъ несомнѣнно, всякое распоряженіе Театрального Общества, которое сценическій дѣятель признаетъ для себя убыточнымъ, даетъ ему не только право иска, но и право привлекать къ отвѣтственности за самоуправство. Никакой судъ не можетъ отказать въ этомъ. *Plu a encore des juges à Berlin.* Ограниченіе права промысла—есть лишеніе правъ состоянія. Мыслимо-ли вручать что-либо подобное Совѣту Общества, не подчиненнаго правительственному контролю и самому себя избирающему?

Въ «Обществѣ русскихъ драматическихъ писателей» повѣяло свѣжимъ воздухомъ. По крайней мѣрѣ, предварительное петербургское засѣданіе 24 марта показало, что наконецъ таки образовалась «прогрессивная» группа членовъ Общества, которымъ нельзя отказать ни въ энергіи, ни въ горячности, ни въ умѣніи пользоваться своими правами. Засѣданіе носило очень бурный характеръ, и насколько не напоминало собой тѣхъ «сонныхъ» мирныхъ чаепитій прежнихъ лѣтъ, когда въ полъ-часа все разыгрывалось какъ по нотамъ, по дирижерскому взмаху московскихъ заправилъ. Много горькихъ истинъ, много негодующихъ возгласовъ пришлось выслушать здѣсь немногимъ сторонникамъ комитета. Можно сказать, что все петербургское Собраніе за исключеніемъ двухъ-трехъ членовъ, протестовало, и шагъ за шагомъ разбивало доводы комитета...

Конечно, еще рано дѣлать иллюзіи. Сила еще все на сторонѣ московскаго собранія, и оно воспользуется навѣрное принадлежащимъ ему большинствомъ голосовъ, чтобы поставить свое «veto» на нежелательныхъ комитету постановленіяхъ петербургскихъ драматурговъ. Но дорого то, что протестующіе элементы сплотились, что они не дѣйствуютъ въ разбродъ, что постепенно къ нимъ начинаютъ примыкать безпристрастные члены Общества, которые сознаютъ, что дѣло въ Обществѣ поставлено не такъ, какъ должно быть. Дорого то, что, къ этому въ сущности давнишнему сознанию, теперь присоединилась энергичная инициатива.

Для насъ не можетъ быть теперь сомнѣнія, что при дружной работѣ прогрессивныхъ и протестующихъ элементовъ Общества, полная перемена въ нынѣшней организаціи дѣла—только вопросъ времени, и времени недалекаго. Теперь прогрессивная партія еще въ меньшинствѣ. Но пройдетъ годъ, два, три и нынѣшнее меньшинство станеть большинствомъ... «Und neues Leben blühet aus den Ruinen»...

Говоримъ о близости побѣды для ободренія и назиданія тѣхъ членовъ Общества, которые за многіе годы комитетской гегемоніи потеряли надежду на лучшее будущее, и подумываютъ о томъ, чтобы изъ нѣдръ «Общества драматическихъ писателей» перебраться въ лагерь «Русскаго Театрального Общества»... Нѣтъ господа, не бросайте вашего домашнего очага, огонь на которомъ возжегъ самъ Островскій. Какъ ни какъ, а свой домъ все-же милѣе незнакомаго, чужого. Помните, что въ своемъ домѣ въ хозяйства, вы можете пользоваться своимъ уставомъ, и полною самостоятельностью. И если заправили Общества много лѣтъ пользовались вашею неподвижностью, то теперь, когда недовольство членовъ Общества начало проявляться въ активной формѣ—ждать придется уже не долго.

Т. Сальвини и группа театра Литературно-художественнаго Общества.
(Съ фотографіи Булла).

Искусство будней.

(Московский Художественный театр).

I.

Московский театр ни на минуту не выдѣляетъ идеи изъ формы, лица изъ картины, слово отъ его образующихъ. Для него, какъ будто, все равно— „что человекъ, что сверчокъ“*), что стоны страданій, что крики гусей, что прелесть весенняго утра, что красота восторженнаго женскаго лица. Въ сценаріи къ „Цѣнь жизни“, какъ она была поставлена въ Маломъ Императорскомъ театрѣ, Вл. И. Немировичъ-Данченко писалъ: „въ первомъ актѣ (на верандѣ) пробовали дать отдаленный шумъ паровика на фабрику, но нашли, что онъ мѣшаетъ актерамъ“. А Художественный театръ собирался ставить „Сердце не камень“ подѣ неумолкаемый уличный гулъ. Онъ, какъ будто, говоритъ актерамъ: „пусть васъ не вездѣ одинаково слышно—для изображенія движеній духа есть и другія средства, кромѣ словъ. Не все слышится—много чувствуется, угадывается. Въ атмосферѣ созданной мною жизни проявляйте свое творчество. Изображенія, разобщенныя отъ жизни, страдаютъ выписанностью“.

*) „Что колокольчикъ, что самоубійца“, прибавляетъ Михайловскій, говоря о Чеховѣ.

Московский театр—самъ по себѣ творчество. Онъ не воспроизводитъ, а *самостоятельно творитъ* атмосферу пьесы. Актеръ занимаетъ въ немъ подчиненное положеніе. Театръ относится къ актерю, какъ кислородъ къ горѣнію. Но кислородъ не горитъ—онъ только поддерживаетъ горѣніе. Въ московскомъ театрѣ горитъ кислородъ.

У него, какъ мнѣ кажется, крайне пантеистическое міросозерцаніе. Пантеизмъ предполагаетъ идею духа или Бога, разлитую во всѣхъ проявленіяхъ жизни. Съ его точки зрѣнія и стоны страданій, и крики гусей, и „сведенные пальцы“, и вершины духа имѣютъ одинаковое право на вниманіе.

Можно не симпатизировать направленію творчества московскаго театра, какъ можно не любить того или другаго художника. Можно возражать и противъ самой идеи, такъ или иначе стѣсняющей творчество актера, если признавать сценическое искусство само-довлѣющимъ. Но отъ этой прекрасной иллюзіи все дальше и дальше уходитъ жизнь. Во времена Шекспира дощечки съ надписью переносили зрителей съ берега моря въ царскій дворецъ—въ наше время декоративною живописью начинаютъ заниматься крупные художники. Отъ театра, на сценѣ котораго сидѣли почетные зрители и мѣшали актерамъ ходить, мы пришли къ театру, гдѣ у актера расчитанъ каждый шагъ. Отъ драмы діалоговъ, интенсивно нарастающаго движенія страстей мы поднялись или спустились къ драмѣ неподвижныхъ жизненныхъ картинъ, съ длинными ремарками въ описательную

область. Въ первыхъ драмахъ Гауптмана въ скобкахъ рисуются цѣлыя картины *). Уже не говоря о Метерлинкѣ.

Въ русскомъ театрѣ существуетъ, такъ называемая, реальная школа игры. Реализмъ ея научный, академическій—реализмъ, предполагающей освѣщеніе предметовъ съ извѣстной стороны, подобно тому, какъ на урокахъ рисованія кладутъ тѣни снизу и справа. Глазъ привыкаетъ къ простѣйшимъ формамъ и начинаетъ признавать только прямолинейное. Если романтизмъ освѣщалъ завѣдомо ложно движеніе духа, то реализмъ освѣщаетъ ихъ научно ложно. И гг. Станиславскій и Немировичъ, создавая свой театръ, должны были создать себѣ актера.

Нашлись люди, съ любовью и вѣрой принесшіе въ жертву новой идеѣ свою творческую индивидуальность. Пусть эта идея не совершенна, пусть даже ложная—но такія ли жертвы приносились искусству! Пусть эти люди среднихъ дарованій, но нельзя не преклониться передъ ихъ убѣжденностью! Ибо искусство, которое на нашихъ глазахъ переболѣло „блѣдными ногами“, переболѣетъ и театромъ гг. Станиславскаго и Немировича, если онъ—ложь. А таланты пѣвцовъ „блѣдныхъ ногъ“ (между ними были таланты) или дарованія растворившихся въ сво-

емъ театрѣ московскихъ актеровъ если этотъ театръ окажется несостоятельнымъ—погибли навсегда. Въ горячемъ тонѣ противниковъ московскаго театра мнѣ чувствуется

его сила. Какъ должно трогать то, что можетъ такъ возмущать! Емельяновъ-Коханскій написалъ книгу „Обнаженные нервы“ и посвятилъ ее „египетской царицѣ Клеопатрѣ“. Что за дѣло искусству до Емельянова? Но до Художественнаго театра искусству много дѣла.

II.

На спектакли московскаго театра—и въ Москвѣ и въ Петербургѣ—ломится толпа. Все время возбужденная, безъ конца аплодируя, она присутствуетъ въ театрѣ и покидаетъ театръ покоренная, съ массою яркихъ, захватывающихъ впечатлѣній. Когда говорятъ, что эти впечатлѣнія не относятся къ разряду художественныхъ—я не хочу не вѣрить этому,

*) „Лечь сидитъ около рабочаго, точащаго косу, и наблюдаетъ за пробужденіемъ дня. Черезъ ворота видѣются далекіе поля и луга; между ними извиивается ручей, теченіе котораго выдаютъ окружающія ивы. На горизонтѣ одинъ единственный холмикъ. Повсюду гнѣздятся жаворонки и ихъ несмолкаемое чириканье раздается то ближе, то въ отдаленіи вплоть до самаго двора усадьбы“ („Передъ восходомъ солнца“).

но нахожу, что это—очень трудный вопросъ. „Впечатлѣнія отъ искусства достигаются простѣйшими средствами“. А я очень люблю дирижера Никишъ, который, на мой взглядъ, достигаетъ впечатлѣнія путемъ весьма сложныхъ, механическихъ средствъ (напримѣръ: особымъ образомъ располагаетъ трубы, когда исполняетъ увертюру къ „Тангейзеру“). Я никогда не занимался музыкой, даже не знаю, какъ пишутся ноты и не могу оспаривать, если мнѣ скажутъ, что мои впечатлѣнія „не относятся къ разряду художественныхъ“. Но я люблю эти впечатлѣнія—таковъ мой вкусъ, весьма далекий отъ непосредственности. У публики Художественнаго театра „особый вкусъ“. Болѣе того: у нея, мнѣ представляется, не можетъ быть иного вкуса.

Будни составляютъ содержание всей современной жизни—потому что во главѣ жизни стала буржуазія. Жизнь въ конецъ испорчена, засорена кучею пережитковъ. Мысль и чувство, поглощенные повседневной мелочной борьбой, глубоко принижены. И низко склоненныя головы не выпрямляются, чтобы взглянуть на небо. Но съ тѣмъ большими восторгомъ и благодарностью устремляются сердца навстрѣчу „искусству будней“, потому что буднямъ, какъ всему на свѣтѣ, нужна красота. Навѣрня, не мало дѣвушекъ почувствовали „мелочи внѣшнихъ подробностей“ „Трехъ сестеръ“ и оставались холодными передъ страданіями Маріи Стюартъ. Штокманъ Станиславскаго не Штокманъ Ибсена. Я убѣжденъ, что г. Станиславскій понимаетъ это лучше многихъ критиковъ „Шток—кинда“. Но именно такой: смѣшной, близорукій (можетъ быть, прежде всего, смѣшной и близорукій) будничней „великій человѣкъ“ можетъ трогать насъ до слезъ. „Вершины духа“ должны быть на уровнѣ нашего взгляда для того, чтобы мы увидали ихъ. Мы разучились смотреть вверхъ, уже давно разучились...

Петербургская критика нашла неудачнымъ исполненіе московскимъ театромъ обѣихъ драмъ Гауптмана. Постановка „Геншеля“ встрѣтила и въ Москвѣ мало сочувствія. Но относительно „Одинокихъ“—дѣло вкуса. Мнѣ кажется, на эту пьесу не существуетъ опредѣленнаго взгляда. Я, напримѣръ, не понимаю почему Фокератъ „сверхъ-человѣкъ“. Онъ очень слабый и пошлый человѣкъ. Онъ—типъ вульгарнаго индивидуализма, блудливаго, какъ кошка и трусливаго, какъ заяцъ. Рѣдкій изъ насъ не найдетъ въ Фокератѣ близкихъ себѣ чертъ и въ этомъ смыслѣ я понимаю посвященіе драмы „тѣмъ, кто ее пережилъ“—то есть тѣмъ, кто переболѣлъ ею и возвысился надъ ней. Безконечныя „комедіи любви“ всегда замаскированы пошлыми фразами о сродствѣ душъ, платонической дружбѣ, духовной поддержкѣ, когда приходятъ въ періодъ обзаведенія законнымъ наслѣдникомъ. Въ данномъ случаѣ это были предчувствія „новаго, высшаго, лучшаго отношенія между людьми“—въ концѣ концовъ единственно между мужчиной и женщиной. „Есть въ насъ нѣчто враждебное высказаннымъ заключеніямъ и впоследствии эта враждебность побѣдитъ насъ“, говоритъ и болѣе сильная, и болѣе умная Анна.

Я ужасно люблю эту правдивую и тонкую драму, но не могу себѣ представить въ иныхъ краскахъ, чѣмъ тѣ, какими ее выражаетъ Художественный театръ. Дряблага, капризнаго, во всемъ на жугой счетъ живущаго Фокерата я не могу облечь въ рыцаря духа и, не признавая ничего, кромѣ среднихъ способностей за г. Мейерхольдомъ, я глубоко сочувствую театру, который такъ трактуетъ его роль.

„Геншель“, поставленный почти одновременно тремя театрами въ Москвѣ, нигдѣ не правился публикѣ. Быть можетъ, и Художественный театръ былъ

неправъ, взглянувъ на него съ точки зрѣнія жанра: художественная цѣнность „Геншеля“ очень высока. Но я не знаю какую „идейную цѣнность“ могъ онъ имѣть, освобожденный „отъ внѣшнихъ подробностей“. „Спящій мирно въ гробѣ спи—жизнью пользуйся живущій“. А что до клятвъ—то „клятвъ и обѣщаний ненарушимыхъ больше нѣтъ“ и это хорошо, когда способствуетъ человѣческому счастью. Что думаетъ иначе „нѣмецъ въ сапогахъ бутылками“—я понимаю и могу наслаждаться талантомъ художника, развернувшего передо мною его дѣвственную душу. Но тогда мнѣ нужно постоянно видѣть и его сапоги.

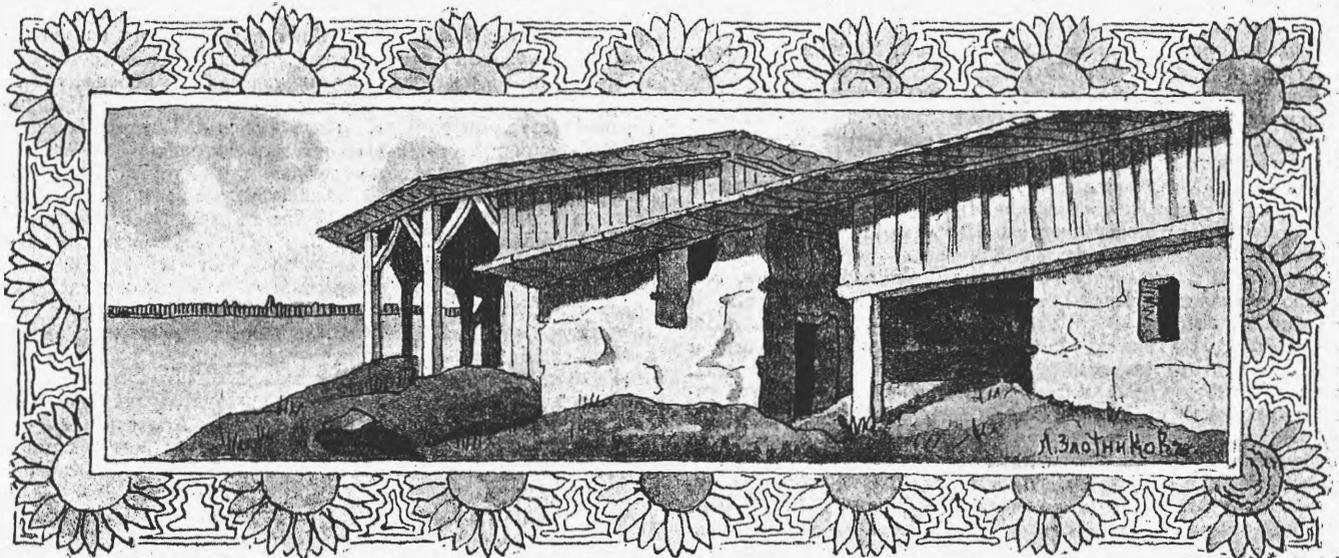
III.

Я никогда не забуду Рощина-Инсарова, игравшаго Вилли („Гибель Содома“) въ маленькомъ дачномъ театрѣ. Нельзя себѣ представить, что это былъ за спектакль по обстановкѣ и антуражу! Въ салонѣ некрашенные хромоногие столы, вокругъ глупые ряженые люди—а артистъ игралъ. Онъ былъ въ одномъ изъ лучшихъ дней и, поверхъ этихъ людей и этой обстановки, надѣляя ихъ красками своего прекраснаго дара, онъ заражалъ и зрителей иллюзией, которую принесъ въ своей душѣ. При немъ мы вѣ-

рили во все, что должно было быть на сценѣ. Хорошо-ли такой театрѣ? Здѣсь не было театра. Но такой актеръ прекрасенъ.

Прекрасна вѣра въ самодовлѣющее драматическое искусство, какъ прекрасна вѣра въ волю, призванную замѣнить процессъ „интимнаго строенія клѣточекъ“ глубоко буржуазной материалистической философіи. Прекрасна вѣра въ свободу и красоту человѣческаго духа, на которыхъ должна быть построена жизнь. Я понимаю, съ какой силой съ высоты этой вѣры можно презирать влиянія, создавшія „искусство будней“—московскій театр. Но я не понимаю, почему этотъ театр—не искусство. Смѣлость, дерзости—признакъ искусства, но и тонкость—также одинъ изъ его признаковъ. Искусство начинается тамъ, гдѣ начинается „чуть-чуть“. Такъ, или почти такъ опредѣлилъ его одинъ изъ русскихъ художниковъ. Искусство широко. Оно признаетъ и въ „искусствѣ будней“ то, что—красота. П. Ярець.

Прим. ред. Помѣщая настоящую статью П. М. Яреца, я слѣдую всегдашнему своему убѣжденію, что критическія сужденія должны быть свободны какъ воздухъ, какъ само искусство. Но статья побуждаетъ меня вступить въ новую полемику до слѣдующаго №. А. К—ль.

П. Н. Араповъ.

23 марта текущаго года исполнилось 40 лѣтъ со дня смерти Пимена Николаевича Арапова. Онъ родился въ 1796 г. въ Пензенской губ., воспитаніе получилъ въ Москвѣ сначала въ пансіонѣ В. В. Измайлова, а затѣмъ въ благородномъ пансіонѣ при московскомъ университетѣ. На время нашествія французовъ Араповъ уѣхалъ въ пензенское имѣніе отца, возвратился оттуда въ концѣ 1813 г. и поступилъ въ московскій университетъ. Кончивъ въ 1817 г. курсъ, Араповъ опредѣлился въ Преображенскій полкъ и здѣсь свелъ знакомство съ извѣстнымъ драматургомъ Катенинымъ. Еще больше знакомство съ литераторами завязалось у него, когда Араповъ перешелъ въ Конногвардейскій полкъ. Будущій лѣтописецъ русскаго театра уже въ то время выступалъ на сценѣ въ домашнихъ спектакляхъ князя М. М. Долгорукова, князя А. А. Шаховскаго и Загоскина.

По совѣту Сперанскаго онъ оставилъ военную службу и поступилъ въ канцелярію Сперанскаго, который тогда на правѣхъ генералъ-губернатора ревизовалъ Сибирь и составлялъ на мѣстѣ проектъ преобразования управления этой окраиной. Затѣмъ Араповъ перешелъ въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора секретаремъ по управленію мѣстными театрами, съ 1839 по 1841 состоялъ вице-губернаторомъ въ Саратовѣ и Новгородѣ, а до 1856 г. былъ прикомандированъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Въ 1856 г. Араповъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ

Двора и умеръ въ этой должности и съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Относительно его служебной дѣятельности въ тогдашнихъ некрологахъ говорится, что Араповъ «отличался прямотою, обходительностью, добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей и неподкупной честностью, такъ что даже враги не въ состояніи сдѣлать ему малѣйшаго упрека», а время его пребыванія вице-губернаторомъ въ Новгородѣ «оставило самыя благодарныя воспоминанія».

Въ частной жизни Араповъ былъ домосѣдомъ и хлѣбосоломъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Друзья и знакомые всегда находили у него радушный пріемъ и оживленную бесѣду объ искусствахъ и театрѣ, который былъ единственной и постоянной страстью Арапова.

Араповъ началъ литературную дѣятельность еще въ благородномъ пансіонѣ: перевелъ съ нѣмецкаго повѣсти «Гильзитскій миръ» и «Смерть Карла I, короля англійскаго». Къ 1813 г. относится его оригинальная стихотворная шутка «Моя жертва Нполеону: Кривой коршунъ и Кузнецкій мостъ».

Послѣ этихъ первыхъ опытовъ Араповъ сталъ пробовать себя во всѣхъ видахъ, писалъ стихи и комедіи, но все это ему не удавалось. Изъ числа переводныхъ комедій Арапова успѣхъ имѣли почти всѣ: «Прихотникъ безъ денегъ» вод. съ франц., «Медвѣдь и паша» вод. Скрибъ, «Г-жи Сельмины» ком. Лафонтена, «Секретарь и поварь» вод. Скрибъ, «Польдеръ, амстердамскій палачъ» романтическая мелодрама Гиксеркура и Дюконека.

Что касается до оригинальныхъ пьесъ Арапова, то онѣ наивны и запутаны по интригѣ и наполнены самыми невѣ-

роутными положеніями. Оригинальныхъ пьесъ у Арапова ю: «Статья изъ газетъ» вод., «Господинъ Блажнинъ», ком. «Репетиція на станціи», вод. «Лизанька» (актриса Сандунова екатерининскаго времени), «Вертепъ», «Демьянова уха», «Волшебное стекло»; «Жизнь холостого». Последней пьесой, поставленной Араповымъ, въ Петербургѣ, былъ «Чертовъ колпачекъ», написанный для знаменитой В. Н. Асенковой. Одинъ критикъ говорить объ этомъ водевилѣ: «хотя и не имѣлъ большого успѣха, но смотрѣлся съ удовольствіемъ».

Чтобы познакомить читателей съ драматическимъ творчествомъ Арапова, мы приведемъ содержаніе одной изъ лучшихъ его комедій: «Жизнь холостого или квартира въ Московской гостинницѣ». Въ Московской гостинницѣ занимаетъ комнату Павелъ Дмитріевичъ Метафоринъ, который по недѣлямъ не ночуетъ дома и заложалъ за комнату, портному, сапожнику и погребщику. Онъ кончилъ университетъ и пишетъ трагедію «Пиццеронъ». Номерной Егоръ сидитъ въ комнатѣ Метафорина съ твердымъ намѣреніемъ дожидаться его и получить деньги. Входитъ Задольскій, который находится въ невозможномъ положеніи относительно своей жены. Жена его овдовѣла отъ перваго мужа и дала слово родственникамъ не выходить болѣе замужъ, а потому боится, что надъ ней будутъ смѣяться, и скрываетъ второй бракъ. Не знаетъ о немъ даже племянница Любуша, постоянно живущая съ Задольской. Положеніе нелѣпое, невозможное, но безъ этого не было бы и водевиля. Но положеніе запутывается другой нелѣпостью. Задольскій проситъ у Егора комнату, и тотъ, рассчитывая на то, что Метафоринъ не явится, отдаетъ его комнату Задольскому. Задольскій и Задольская сговариваются ужинать въ комнатѣ Задольскаго и мужъ отправляется заказывать пирогъ съ трюфелями, оставивъ предварительно 600 руб. въ конторкѣ. Задольская еще не рѣшается сказать Любушкѣ о бракѣ, говоритъ, что она ожидаетъ повѣреннаго, и совѣтуетъ Любушѣ его любить и жаловать. Онѣ уходятъ, а на изъ мѣсто является Метафоринъ. Ему приносятъ пирогъ съ трюфелями, заказанный Задольскимъ. Метафоринъ съѣдаетъ пирогъ и деньгами Задольскаго расплачивается съ кредиторами. Входитъ Любушка. Она уже была знакома съ Метафоринымъ и они нравились другъ другу. Любушка принимаетъ его за повѣреннаго тетушки и такъ какъ тетушка его велѣла любить и жаловать, то естественно что дѣло дошло до объясненія въ любви. Метафоринъ побѣждалъ отказывать двумъ пріятелямъ, которыхъ пригласилъ на ужинъ, такъ какъ узналъ, что Любушка съ тетушкой собираются ужинать въ его комнатѣ. Любушка рассказала Задольской, что она видѣла повѣреннаго и что онъ ей объяснился въ любви и что она давно его знаетъ. Задольская вся кипитъ отъ ревности и сообщаетъ Любушкѣ, что этотъ повѣренный на самомъ дѣлѣ ея мужъ. Онѣ уходятъ, Метафоринъ и Задольскій входятъ и спорятъ чья это комната, но ихъ споръ перерываетъ Любушка. Она начинаетъ дѣлать выговоръ Метафорину. Она уже узнала о близкой связи его съ тетушкой. Тогда ужъ начинается ревновать Задольскій. На шумъ прибѣгаютъ Задольская и Егоръ и дѣло разъясняется ко всеобщему удовольствію. Метафоринъ, конечно, женится на Любушкѣ. Весь водевилъ переспанъ куплетами и заканчивается ими же, причемъ Любушка обращается къ публикѣ со слѣдующими заключительными стихами:

Всѣмъ очень трудно угодить,
Я знаю, критикъ равнодушный
Піесу будетъ находить
И предосудительной и скучной,
Одно извѣстно только намъ,
Желаеть авторъ чрезвычайно,
Чтобъ хоть понравилася вамъ
Жизнь Павла Дмитрича случайно.

И всѣ куплеты такого-же достоинства.

Одновременно съ началомъ драматической дѣятельности, Араповъ писалъ статьи въ «Вѣстникѣ Европы», «Сынѣ Отечества» и «Благонамѣренномъ». Около того-же времени онъ былъ избранъ въ члены «петербургскаго общества любителей россійской словесности и соревнователей просвѣщенія и благодѣанія».

Первый сборникъ, изданный Араповымъ (сообща съ Д. Новиковымъ), — литературно музыкальный альманахъ на 1830 г. «Радуга». Это чисто литературный альманахъ — въ немъ однихъ стихотвореній 49, между ними есть стихотвореніе А. С. Пушкина, а также другого Пушкина, Василія. Изъ именъ дали свои стихотворенія Баратынскій и Денисъ Давыдовъ, но большинство принадлежитъ О. Глинкѣ (6), М. Дмитріеву и Башилову (по 4), князю Вяземскому, Я. Ковалеву и А. Писареву (по 3). Далѣе въ альманахъ вошли сцены изъ «Мафбета», въ переводѣ Ротчева, изъ трагедій Жандра и изъ комедій А. Писарева, Н. Павлова, П. Свинына и сцены изъ комедій князя А. А. Шаховскаго «О. Г. Волковъ», о которой уже говорилось въ «Театрѣ и Искусствѣ» (1900 г., № 19). Съ другой стороны и проза была представлена такими выдающимися по тому времени именами, какъ Полевой, Лажечниковъ и Снѣ-

гиревъ (этнографъ). Самому Арапову принадлежитъ въ альманахѣ сцена изъ комедій «Жизнь холостого» и два стихотворенія — А. П. С — ой и стихотвореніе сатирическаго отъѣнца «Отвѣты въ игрѣ Секретарь». Познакомимъ читателей съ этими продуктами творчества Арапова, чтобы затѣмъ перейти къ тому, что составляетъ истинную заслугу его предъ русскимъ театромъ.

А. П. С — ой.

Могу-ль прославить васъ, отрадную, стихами?
Вамъ всѣ достоинства сопутствуютъ, какъ тѣнь,
Довольно въ жизни разъ замѣченнымъ быть Вами,
Чтобы желать одну Васъ видѣть каждый день...
Нѣсколько лучше «Отвѣты въ игрѣ Секретарь».
Любите-ли вы спектакль?

Хорошій, право, наслажденье,
Но здѣсь спектакль подчасъ таковъ,
Что надо доброе терпѣнье
Чтобъ въ немъ сидѣть до пѣтуховъ,
Въ партеръ и ложи нѣтъ пріѣзда...
Какой тутъ кассъ авантажъ,
Когда въ спектаклѣ у подлѣзда
Лишь театральныи экипажъ.

Слѣдующее изданіе Арапову является уже цѣннымъ вкладомъ въ исторію русскаго театра. Это «Драматическій альбомъ съ портретами русскихъ артистовъ и снимками съ рукописей». Вышелъ этотъ альбомъ въ Москвѣ въ 1850 г. Уже первая статья, принадлежащая Арапову, представляетъ очель цѣнный вкладъ въ исторію театра. Она называется «Очеркъ постепеннаго хода и усовершенствованія русскаго театра». Въ этой статьѣ очень подробно разсказывается исторія московскаго театра, и такимъ образомъ она является дополненіемъ къ «Лѣтописи», въ которой трактуются главнымъ образомъ петербургскіе театры. Въ этой статьѣ даже исторія дѣлится по московскому театру. Первый періодъ отъ начала театра до Сумарокова, второй отъ Сумарокова до содержателя театра въ Москвѣ Медока включительно и, наконецъ, третій отъ поступленія московскихъ театровъ въ вѣдѣніе Императорской театральнаго дирекціи и до 1850 г. Такимъ образомъ и по времени эта статья пополняетъ «Лѣтопись».

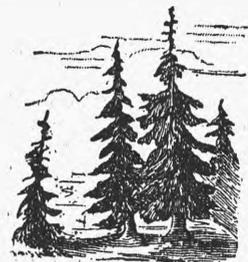
Кромѣ этой статьи весьма цѣнны для исторіи театра біографическіе очерки М. Д. Львовой-Синицкой, Д. Т. Ленскаго, П. М. Садовскаго, Н. В. Рыкаловой, И. В. Самарина, Л. П. Косицкой, П. И. Орловой, К. Н. Лавровой и балерины Ирки Матіасъ. Нужно упомянуть также статью Рафаила Зотова «О драматическомъ искусствѣ въ Россіи и о средствахъ образованія артистовъ». Въ статьѣ доказывается, что для артиста прежде всего необходимо общее образованіе, а ужъ затѣмъ специальное.

Въ пятидесятыхъ годахъ Араповъ совершилъ путешествіе за границу и писалъ отчеты о тамошнихъ театрахъ въ «Сѣверную Пчелу», а въ Парижѣ напечаталъ «Драматическій букетъ» — собраніе портретовъ русскихъ артистокъ и танцовщицъ, а также два листа съ портретами актеровъ Александринской сцены.

Конечно, главное и самое цѣнное произведеніе Арапова — это «Лѣтопись русскаго театра». До сихъ поръ она остается единственною въ своемъ родѣ, если не считать «Исторіи» П. О. Морозова, которая собственно не исторія театра, а исторія драматургіи. Особенно цѣнны у Арапова свѣдѣнія изъ времени Александра I, а также тѣ мѣста перваго времени, которые онъ заимствовалъ у Штеллина и изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» того времени, а также изъ другихъ надежныхъ источниковъ. Зато онъ безъ критики пользовался лѣтописью князя А. А. Шаховскаго, которая далеко не достовѣрна. Впрочемъ это нельзя ставить ему въ вину, такъ какъ онъ всю жизнь посвятилъ на собраніе матеріала. Судьба отказала ему даже въ томъ, чтобы при жизни увидѣть его любимое дѣтище. Лѣтопись вышла послѣ смерти Арапова.

И другое дѣтище лелѣялъ въ послѣдніе мѣсяцы жизни Араповъ — онъ хотѣлъ создать «общество любителей театра», которое послужило-бы къ тѣсному сближенію артистовъ съ обществомъ. Въ этомъ обществѣ предполагалось постоянное общеніе и обмѣнъ мнѣній между драматургами, «записными театральными» и артистами.

Ио. Иноземцевъ.

ХРОНИКА

Театра и искусства.

Артисты Малаго театра, какъ известно, поднесли г. Сальвини серебряный кубокъ въ русскомъ стилѣ. Они получили отъ него письмо, которое передаемъ въ переводѣ:

Дорогіе товарищи!

Крайне тронутый честью, которую вы оказали итальянскому артисту, я благодарю васъ отъ всего моего сердца за этотъ прекрасный подарокъ, изяществу и богатству котораго я удивляюсь. Прошу васъ вѣрить, дорогіе товарищи, что я сохранию его всегда, какъ одно изъ самыхъ симпатичныхъ воспоминаній моей долгой артистической карьеры, и что моя признательность окончится только вмѣстѣ съ моей жизнью.

Преданный и любящій *Томмасо Сальвини*.

Петербургъ, 23-го марта 1901 г.

* * *

Редакторомъ «Ежегодника Императорскихъ театровъ» вмѣсто г. Дягилева назначенъ г. Полъновъ.

* * *

Ближайшей новинкой петербургскаго Малаго театра будетъ пьеса «Паоло и Франческа» англійскаго писателя Филиппа, идущая въ бенефисъ г-жи Домашевой.

* * *

По словамъ московскихъ газетъ, одинъ изъ московскихъ богачей намѣренъ устроить въ Москвѣ новый театръ съ всеми новѣйшими усовершенствованіями. Театръ этотъ предназначается специально для труппы гг. Станиславскаго и Немировича-Данченко.

Слухъ этотъ, сколько помнится, повторяется изъ-года въ годъ...

Въ Москвѣ же говорятъ, будто Общество драматическихъ писателей намѣрено также выстроить новый театръ.

* * *

Пьеса г. Урванцова «Фрейлина» въ нынѣшнемъ сезонѣ не пойдетъ. До конца сезона осталось немного, а между тѣмъ репетиціи «Симфоніи», идущей въ бенефисъ вторыхъ артистовъ, отнимаютъ много времени. Авторъ поэтому ходатайствовалъ передъ дирекціей о томъ, чтобы постановка пьесы была отложена до осени, когда можно будетъ лучше спретендовать ее. Роль Алексѣя будетъ играть В. П. Далматовъ.

* * *

Поѣздка Великимъ постомъ артистовъ московскаго Малаго театра съ г-жей Лешковской въ Смоленскъ и Вильну дала 11.000 р. валоваго сбора. Съ первыхъ чиселъ мая по 15 юля труппа въ томъ же составѣ будетъ подвигаться послѣдовательно въ Воронежъ, Ростовъ, Таганрогъ, Харьковъ, Одессъ, Екатеринославъ, Николаевъ и Кишиневъ.

* * *

Г-жа Горева въ Александринскомъ театрѣ впервые выступитъ, какъ говорятъ въ «Василисѣ Мелентьевой». Царицу Анну будетъ играть М. Г. Савина.

«Quo vadis», вопреки слухамъ, появившимся въ газетахъ, на сценѣ Александринскаго театра не пойдетъ.

* * *

Ө. И. Шалапинъ возвращается въ Москву изъ-за границы въ субботу на Страстной недѣлѣ.

* * *

Переговоры г. Максакова съ дирекціей Императорскихъ театровъ не привели ни къ какимъ результатамъ. Говорятъ, что разошлись въ дѣлѣ. Кстати замѣтимъ, что г. Максаковъ на зиму уже подписалъ контрактъ къ г. Соболющикову-Самарину.

* * *

Въ театрѣ, бывшемъ Неметти, съ понедѣльника, 2-го апрѣля, начнутся спектакли труппы Л. Б. Яворской. Г-жа Яворская выступитъ сначала въ роляхъ: «Маргариты Готье», «Madame Sans Gêne» и «Заза», а затѣмъ въ извѣстной пьесѣ Ростана «Орленокъ», въ роли герцога Рейхштадскаго. Пьеса Ростана переведена стихами г-жею Щепкиной-Куперникъ и впервые появится на русской сценѣ.

* * *

Московское справочно-статистическое Бюро Т. О. съ 26 марта переведено изъ Новаго театра въ прежнее помѣщеніе—на Тверской бульв., д. Арбатскаго.

* * *

Въ театрѣ Литературно-художественнаго Общества предстоитъ еще одинъ дебютъ г-жи Карелиной-Раичъ, въ роли Дюси, въ «Пережитомъ». Затѣмъ будетъ дебютировать въ «Дикаркѣ» г-жа Музиль-Бородина.

* * *

Возвращающійся на Императорскую сцену В. П. Далматовъ въ первый разъ выступитъ въ Александринскомъ театрѣ не въ весеннемъ сезонѣ, а въ осеннемъ и не въ роли Теллѣта въ «Бѣшеныхъ деньгахъ», а въ ком. Шекспира «Много шуму изъ ничего».

* * *

Ө. И. Шалапинъ у себя дома.

(Къ заграничнымъ гастролямъ).

Рис. П. Ассатурова.

Московскія вѣсти.

Въ Маломъ театрѣ назначены дебюты г-жи Звѣздичъ (роль Сосо въ «Закатѣ») и И. И. Судьбинина («Женитьба Бѣлугина»).

Сезонъ въ Маломъ т. кончается 6 мая.

Въ частной оперѣ на праздникахъ предстоятъ дебюты: г. Сидорова (5-го апрѣля, утромъ, въ партіи Демона) и г-жи Мачтегъ (7-го апрѣля, утромъ, въ партіи Маргариты, въ «Фаустѣ»).

Главныя женскія роли въ «Королѣ Лирѣ» и «Ингомарѣ», пьесахъ, идущихъ съ Сальвини во главѣ, распределены между г-жами Грибуніной, Юдиной 2-й и Яблочкиной.

По окончаніи гастролей малороссійской труппы М. Л. Кропивницкаго въ театрѣ «Эрмитажъ», въ промежуткѣ предъ открытіемъ сезона лѣтней оперы г. Борода, предположеннымъ на 24-е апрѣля, состоятся гастролы французской драматической труппы г. Целлера; труппа составлена изъ артистовъ парижскихъ театровъ «Одеонъ», «Жимназъ» и «Портъ Сенъ-Мартенъ»; между прочимъ, въ нее вошли г-жи Роли, Марсано, Кавель и гг. Жанъ, Дараганъ, Баронъ, Данъ и др. Дано будетъ всего пять спектаклей: 20-го апрѣля «Сирано-де-Бержеракъ», 21-го—«Дама отъ Максима», 22-го—«Гостинница свободнаго обѣда», 23-го—«Сирано-де-Бержеракъ» и 24-го—«Контролеръ спальныхъ вагоновъ».

На Садовой улицѣ строится новый театръ, который какъ

по внѣшнему, такъ и по внутреннему расположенію представляетъ очень своеобразную постройку: широкій, открытый арками променуаръ, впервые устраиваемый въ Россіи, приспособленъ такимъ образомъ, что изъ находящагося съ нимъ рядомъ 20-саженнаго фойе можно слушать, что исполняется на сценѣ; когда поднять занавѣсъ, весь театръ внутри становится открытымъ отъ передней стѣны до задней. Фасадъ еще болѣе оригиналенъ: обычные архитектурныя формы и обычные цвѣта въ немъ оставлены. Фасадъ театра будетъ голубой, съ эмалированными барельефами «музыки» и «танцевъ» вокругъ входа.

* * *

24 марта въ залѣ Павловой состоялось засѣданіе дѣйствительныхъ членовъ общества русскихъ драматическихъ писателей, для обсуждения вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію въ общемъ собраніи, имѣющемъ быть 29 марта въ Москвѣ. На засѣданіе прибыло 14 членовъ, владѣющихъ въ общей сложности 24 голосами: Е. П. Карповъ, В. Б. Билибинъ, Н. Д. Павловъ, В. А. Тихоновъ, Б. И. Бентовинъ, И. Л. Щегловъ, Н. А. Лухманова, В. А. Крыловъ, Ф. Н. Латернеръ, З. Б. Осетровъ, А. Ф. Крюковской, А. К. Паули, И. Г. Яронъ, Н. Ф. Арбининъ. Предсѣдателемъ засѣданія былъ избранъ Е. П. Карповъ. Засѣданіе началось чтеніемъ доклада комитета о дѣлахъ общества, изъ котораго видно, что къ 1 янв. 1901 г. въ обществѣ русскихъ драматическихъ писателей состоитъ 738 членовъ. Въ 1900 году сбора съ частныхъ сценъ получено 231,641 р. 60 к., изъ этой суммы было выдано авторамъ 16,795 руб. 73 к., секретарю и на содержаніе канцеляріи 17,381 руб. 73 к., казначею 5,793 р. 91 к., на разные расходы отчислено 12,814 р. 67 к., агентамъ выдано 23,164 р. 16 коп. По поводу доклада комитета В. П. Билибинъ было сдѣлано нѣсколько замѣчаній, съ которыми общее собраніе вполне согласилось. Поэтому отъ имени всѣхъ присутствующихъ членовъ было внесено въ протоколъ засѣданія предложеніе о представленіи комитетомъ объясненія по поводу того обстоятельства, что на обсужденіе настоящаго собранія не были внесены постановленія собранія 1900 года объ урегулированіи дѣятельности канцеляріи общества и о наймѣ собственнаго помѣщенія для канцеляріи и библіотеки. Засимъ общее собраніе предложило комитету при печатаніи объ уголловныхъ дѣлахъ, возбуждаемыхъ комитетомъ, обозначать сумму гражданскаго иска, чтобы такимъ образомъ контролировать того, или другого агента; кромѣ того внесено въ протоколъ засѣданія предложеніе о разсылкѣ членамъ общества списка агентовъ, взимающихъ авторскій гонораръ въ провинціи. Послѣ этого собраніе перешло къ разсмотрѣнію заявленія г. Билибина о томъ, что секретаремъ общества И. М. Кондратьевымъ не были выданы г. Билибину нужная ему по его личному дѣлу въ обществѣ справки, при чемъ отвѣтъ ему былъ данъ не вполне въ корректной формѣ. Собраніе постановило выставить на видъ секретарю и комитету общества, что всѣ такого рода справки они обязаны выдавать всѣмъ членамъ. Засимъ собраніе рѣшило перечислить 1,000 руб. на пушкинскую премию за лучшую историческую пьесу и пожертвовать 300 руб. на памятникъ Волкову въ Ярославлѣ. Предложеніе нѣкоторыхъ членовъ объ уменьшеніи вычета съ гонорара за стихотворные переводы классическихъ пьесъ отклонено. Для разсмотрѣнія предложенія В. В. Билибина объ опредѣленіи авторской платы не менѣе 1 руб. за актъ, выбрана коммисія, въ составъ которой вошли гг. Билибинъ, Бентовинъ, Кугель, Матернъ, Тимковскій, Немировичъ-Данченко и г-жа Лухманова. Для выработки нормальнаго устава общедоступнаго театра избрана коммисія изъ слѣдующихъ лицъ: гг. Карпова, Гославскаго, Щеглова, Тихонова, Крылова, Борисовскаго, Тимковскаго, Вл. Немировича-Данченко. Затѣмъ слушалось заявленіе И. Л. Леонтьева (Щегловъ) о коммисіонерѣ общества по изданію пьесъ—Разсохинъ, выразившемся оскорбительно въ телеграммѣ посланной въ «Новое Время», о членахъ общества. Постановлено единогласно, что въ лицѣ г. Щеглова оскорблено все общество и поэтому комитету, старавшемуся отстоять Разсохина, предложено исключить г. Разсохина изъ членовъ общества и разорвать съ нимъ контрактъ. Засимъ состоялись выборы должностныхъ лицъ общества. Въ члены комитета выбраны г. Тимковскій (17 голосовъ) и г. Матернъ (15 гол.), въ члены ревизіонной коммисіи выбраны: гг. Е. П. Карповъ, Д. В. Виндинъ, В. В. Билибинъ, Б. И. Бентовинъ, Н. М. Ежовъ; въ кандидаты къ нимъ Н. А. Лухманова, Ф. Н. Латернеръ, Е. Э. Матернъ. Всѣ вопросы дебатировались съ большимъ оживленіемъ и собраніе закончилось въ третьемъ часу ночи.

* * *

Лѣтній сезонъ не за горами и петербургскіе антрепренеры усиленно готовятся къ открытію. Господствовать будетъ, повидимому, оперетка, которая водворяется въ саду Неметты (дир. Шабельской), Измайловскомъ саду (дирекц. Тумпакова) на открытой сценѣ Крестовскаго сада и, вѣроятно, у г. Николаева-Сокболовскаго въ «Олимпіи». Кромѣ того въ «Акваріумѣ» водворяется вновь г. Гинзбургъ, который, по слухамъ, привезетъ французскую опереточную труппу.

У г-жи Шабельской труппа уже составлена: г-жи Смолина, Вергина-Стефани, гг. Кубанскій, Пальмъ, Свѣтлановъ, Августовъ—вотъ основа ея труппы. Ведутся еще переговоры съ г-жей Тонской, но, кажется, не сходятся въ цѣнѣ, такъ какъ г-жа Тонская, пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ, запросила такое жалованье, которое вѣроятно получить примадоннѣ, а не третъестепенной пѣвицѣ...

Г. Тумпаковъ пригласилъ г-жъ Раисову, Вяльцеву, Муракову, Бауэръ, гг. Сѣверскаго, Рутковскаго, Дальскаго, Брянскаго и др. Режиссеромъ приглашенъ А. А. Брянскій.

Въ «Аркадіи», вновь отстроеной, по прежнему, опера, подъ управленіемъ г. Максакова. На открытой сценѣ—драма. Составъ труппы у насъ уже сообщался.

Въ саду Васильева водворяется труппа подъ управл. г. Шувалова. Въ труппу, между прочимъ, приглашены: г-жа Лепетичъ, гг. Бредовъ, Тимиревъ, Дубровскій, Ланко и большинство артистовъ изъ прошлогодней труппы г. Тумпакова. Цѣна за входъ повышена съ 12 к. до 40 к.

Театры въ Лѣсномъ и на Удѣльной снялъ М. И. Черновъ, а въ пресловутомъ «Казино-Электрикъ» водворяется г. Арди. Изъ дачныхъ театровъ будутъ дѣйствовать театры въ Ораніенбаумѣ (труппа подъ упр. Быховца-Самарина); Павловскѣ (г-жа Шабельская) и Стрѣльнѣ (г. Долинскій).

Попечительство о народной трезвости будетъ ставить спектакли: въ Александровскомъ паркѣ, Екатерингофскомъ и Таврическомъ садахъ и въ театрѣ «Общедоступныя развлечения».

Невское общество устройства народныхъ развлеченій переноситъ свою дѣятельность въ садъ, бывшій «Вѣна».

* * *

На Фоминой недѣлѣ въ Маріинскомъ театрѣ предполагается дебютъ г-жи Эггевъ, которая выступитъ въ партіи Маргариты въ «Фаустѣ».

* * *

Изъ Нѣва телеграфируютъ. Бѣжали антрепренеры «Акваріума»—Маутнеръ и Шевскій, захвативъ жалованье и залоговъ служащихъ.

* * *

Александринскій театръ. Закончившіяся гастроли нѣмецкой труппы г. Бока въ общемъ оставили довольно благоприятное впечатленіе. Г. Бокъ—отличный режиссеръ. И въ этомъ сезонѣ онъ счумѣлъ собрать вокругъ себя такихъ талантливыхъ артистовъ, какъ гг. Клейнъ, Шталь, Патри, Бюллеръ и г-жи Гроссъ и Одионъ, и соединить ихъ въ одно прекрасное цѣлое. Но въ прошлыхъ сезонахъ каждый разъ можно было изъ всего репертуара назвать только 2—3 пьесы, которыя могли бы остановить на себѣ вниманіе; остальное было ordinarily и старо. Нынѣшнія гастроли пріятно удивили насъ разнообразіемъ репертуара: почти всѣ пьесы вызвали истинный интересъ, въ особенности «Flachsmann als Erzieher», «Johannisfeuer», «Rosenmontag», «Tragödien der Seele» и др.

Естественнымъ образомъ мы ожидали, что г. Бокъ, придерживаясь поговорки «конецъ всему дѣлу вѣнецъ», достойнымъ образомъ закончитъ циклъ своихъ спектаклей постановкой интересной или, по крайней мѣрѣ, вполне литературной новинки. Заманчивое заглавіе прошальной пьесы «Das letzte Wort» («Послѣднее слово») давало намъ еще болѣе поводъ къ пріятнымъ ожиданіямъ. Но увы, ожиданія не оправдались: мѣсто новой пьесы Шентана въ театрѣ «Фарсъ», а не на образцовой сценѣ.

Мы считаемъ совершенно лишнимъ передавать содержаніе этой четырехактной пошлости. Жаль было талантливыхъ артистовъ, бывшихъ какъ рыба объ ледъ, чтобы сдѣлать что-нибудь изъ своихъ пустыхъ ролей. Одинъ геніальный г. Клейнъ ухитрился воспроизвести живой типъ: изъ банальной роли водеvilнаго папши онъ счумѣлъ создать трогательную фигуру суевѣливаго, бесконечно добраго энтузіаста-музыканта съ кристальной, чистой душой, чѣмъ оказалъ автору громадную услугу.

Остальные исполнители ничего не прибавили къ своей артистической славѣ. Вѣчно юная г-жа Жени Гроссъ весело прощбетала роль русской баронессы, но ее съ одинаковымъ правомъ можно было принять и за гречанку или за дочь Альбіона.

Г. Шталь чувствовалъ себя, видимо, въ своей тарелкѣ и усиленно балаганилъ въ роли неотразимаго ловеласа. Болѣе или менѣе типично сыгралъ педанта-чиновника умный г. Гельмутъ-Бремъ, г-жа Остерманъ дѣлала судорожныя, но неудачныя попытки растрогать публику, ничего не сдѣлали изъ своихъ ролей гг. Фишеръ, Патри и г-жа Коллендтъ, а г. Шмиденъ былъ до смѣшнаго слабъ въ роли влюбленнаго русскаго журналиста.

Несмотря на неудачный вечеръ, публика счелъ тепло распрощалась со своими любимцами; занавѣсъ поднимался около 30 разъ. Вызывали г. Клейна, — раскланивалась г-жа Гроссъ. Похлопали и директору г. Боку, хотя бы и за то, что онъ счумѣлъ обойтись въ нынѣшнемъ сезонѣ безъ артиста на роли первыхъ любовниковъ.

Ф. В. Долинъ.

* * *

† В. И. Немировичъ.
(см. № 13).

Испытаніе учениковъ въ музыкальной школѣ профессора Сонки, состоявшееся въ субботу 24 марта, дало прекрасные результаты и доказало хорошую постановку музыкальнаго дѣла. Всѣ ученики и ученицы, выступившіе въ этотъ вечеръ, обладаютъ хорошими вокальными средствами, голоса поставлены правильно, на дыханіе и музыкальную фразировку обращено должное вниманіе. Изъ учениковъ выдѣлились г-жа Брагина и г. Петровъ. Г-жа Брагина обладаетъ красивымъ и прекрасно обработаннымъ меццо-сопрано. Къ этому слѣдуетъ прибавить музыкальность и темпераментъ. У г. Петрова низкій баритонъ прелестнаго тембра. Фразируетъ осмысленно и поетъ съ одушевленіемъ. Этому пѣвцу можно предсказать блестящую будущность. Хорошее контральто у г-жи Власевой. Ученики пѣли соло и въ ансамбляхъ, что позволяло оцѣнивать ихъ качества разносторонне.

* * *

Вниманію добрыхъ людей. Мы получили слѣдующее возваніе о помощи, которое воспроизводимъ дѣликомъ.

Недавно въ Таганрогѣ въ театрѣ Музыкально-Драматическаго Общества праздновался юбилей моего стараго отца. Наша театральная семья, вѣроятно, помнитъ его, когда онъ служилъ родному искусству, ведя ночевую, полную разными радостями и невзгодами, жизнь. 45 лѣтъ прослужилъ онъ на сценѣ; справилъ свой юбилей, послѣ котораго, судьба сыграла съ нимъ злую шутку: онъ попалъ, по дорогѣ, подъ лошадей, съ тѣхъ поръ слегъ и помѣшенъ теперь по билету, въ городскую Николаевскую больницу г. Ростова, и никто объ этомъ не знаетъ. Ни кому до его болѣзни нѣтъ дѣла!

Болѣзнь его требуетъ большихъ средствъ: у него астма, а для астмы нуженъ воздухъ, кислородъ и покой. Гдѣ же и на какія средства приобрести все это? Мать и сестра у меня хилы и слабы; объ, отъ горя и постоянной нужды упали духомъ, утратили способность работать и на моихъ рукахъ, въ настоящее время, лежитъ эта тройка; одна я должна бороться и страдать за моихъ стариковъ; одна я выбиваюсь изъ силъ, служа гувернанткой за 25 р. жалованья въ мѣсяцъ. Отца не держать въ больницѣ даромъ; нужно платить 30 р. въ мѣсяцъ, а дома онъ не можетъ дышать, благодаря низенькой квартирѣ.

Актеры! я настолько знаю вашу отзывчивость къ товарищамъ по искусству, что съ глубокою вѣрою прибѣгаю къ вамъ съ возваніемъ вывести мою семью изъ ужаснаго, безвыходнаго положенія. Неужели вы отвергнете мою мольбу, не поддержите стараго актера, котораго гонятъ изъ больницы, находя его неизлѣчимымъ. Если онъ умретъ, его не на что будетъ похоронить, и не будетъ ли это обидно за человѣка, прожившаго 45 лѣтъ на театральныхъ подмосткахъ? Найду-ли я въ васъ отвѣтъ? Поможете-ли вы дочери стараго актера спасти свою семью отъ нужды?

Десять лѣтъ я играла ребенкомъ на сценѣ, —получая у Е. В. Любова benefices и подарки, играя въ Ростовѣ съ гастролирующими артистами Импер. театра. Многіе знаютъ меня по Ростову, и имъ я шлю свою мольбу о помощи. Откликнитесь!

Марія Алѣева.

ОДАЧА ТЕАТРОВЪ и АНГАЖЕМЕНТЫ.

Кунцево. Лѣтній театръ снятъ Б. Ю. Мирскимъ. До сихъ поръ приглашены: г-жи Изборская, Петрова-Самарина, Львинская и г.г. Невѣровъ, Поликарповъ, Домаровъ и Любинъ.

Вильна. Съ 24-го апрѣля по 1-е августа въ новомъ Большомъ театрѣ труппою драматическихъ артистовъ подъ режиссерствомъ Я. В. Орлова-Чужбинина будутъ даваться спектакли по уменьшеннымъ цѣнамъ. Составъ труппы: г-жи Анненская, Новикова-Иванова, Левина, Суревичъ, Ренева, Де-Брюксъ, Немарская, Сѣченова, Кручинина и Антонова; г.г. Орловъ-Чужбининъ, Д. О. Смирновъ, Зубовъ, Травинскій, Кручининъ, Раменскій, Верстовскій, Дундукъ, Лебедевъ и Капитоновъ. Спектакли ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ.

Саратовъ. Изъ артистовъ Казанско-Саратовской драматической труппы, въ составъ харьковской труппы вошли: Стрелова-Сокольская, Миличъ, Карпенко, Петипа, Павленковъ, Наумовскій, Кригеръ. Г. Нероновъ служить у г. Незлобина (Алябьева) въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Нижній-Новгородъ. Зимній сезонъ 1901—1902 г. будетъ открытъ 16 сентября. Труппа г. Незлобина будетъ состоять изъ 40 человекъ. Г. Незлобинымъ заключенъ годовыи контрактъ съ извѣстнымъ артистомъ Петипа. Кромѣ того г. Незлобинымъ на будущій сезонъ приглашены г-жи Кварталова и Весеньева и г.г. Нероновъ, Соловьевъ и Григорьевъ. Изъ прежняго состава въ труппѣ остаются г-жа Лермина и г. Грузинскій, Бѣлгородскій и Гелике.

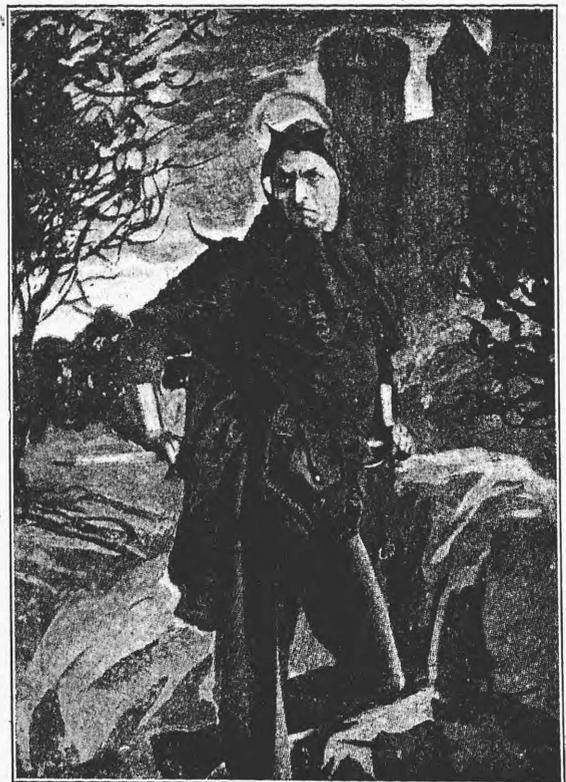
Вопросъ о сдачѣ зала всесословнаго клуба г-ну Незлобину еще не рѣшенъ, не сошлись въ цѣнѣ: г. Незлобинъ предлагаетъ 30 р. проспективной платы, а управленіе проситъ 40 р. Г. Незлобинъ предполагаетъ ставить не менѣе 8 спектаклей въ мѣсяцъ; цѣны остаются такія же, какія были у малороссовъ. За свой счетъ г. Незлобинъ обязывается написать новую декорации на сумму не менѣе 800 р.

Послѣ Пасхи въ городскомъ театрѣ нѣсколько спектаклей дастъ опереточная труппа Завадскаго, а затѣмъ будетъ опера Бородая.

Ливны. Въ Москвѣ сформирована С. Я. Волгинымъ труппа на лѣтній сезонъ, которая дастъ 10 спектаклей, начиная съ Пасхи въ Ливнахъ; для участія въ спектакляхъ приглашенъ бывший когда-то ливенскимъ антрепренеромъ П. А. Соколовъ-Жамсонъ, положившій начало существующаго до сихъ поръ театра.

Съ 1 июля здѣсь начнетъ дѣйствовать театръ попечительства о трезвости.

Елецъ. Антреприза городского театра въ сезонъ 1901—1902 г.г. сдана правленіемъ музыкально-литературнаго и драматическаго общества, арендующимъ этотъ театръ у города, ранѣе бывшему антрепренеру этого и затѣмъ орловскаго городского театра—г. Соколову-Жамсону.

Ө. И. Шалаяпинъ, въ роли Мефистофеля.
(Къ заграничнымъ гастролямъ).

Харьковъ. Начиная съ праздниковъ, въ Харьковѣ, кромѣ спектаклей въ оперномъ театрѣ, состоится также рядъ спектаклей въ драматическомъ театрѣ г-жи Дюковой, гдѣ будетъ играть русская опереточная труппа. Въ числѣ артистовъ этой труппы называютъ г-жу Смолину и артиста Кубанскаго.

Кіевъ. Вѣнская оперетка. Съ 11 апрѣля въ Николаевскомъ театрѣ водворится на 10 представлений вѣнская оперетка.

Кронштадтъ. Морской манежъ на время съ 2 по 8 апрѣля сданъ Кронштадтскому благотворительному обществу, которое намѣрено устроить рядъ праздничнымъ гуляній. Драматическая труппа составлена И. О. Аржанниковымъ, который будетъ режиссеромъ. Къ постановкѣ предполагаются: «Смерть Ляпунова», «Терентій мужъ Даниловичъ», «Бѣлый генералъ» и пр. Въ дивертисментахъ приметъ участіе цыганскій хоръ Н. И. Шишкина и пр.

Асхабадъ. Группой В. М. Янова здѣсь данъ рядъ спектаклей, прошедшихъ почти при переполненныхъ сборахъ. Были поставлены: «Буреломъ», «Цѣпи», «Потемки души», «Безправная» и «Рабыни веселья». Мѣстные газеты отличаютъ особенный успѣхъ М. А. Юрьевой, а также гг. Янова и Веттера и г-жи Пшесецкой. 17 марта труппа выѣхала въ Самаркандъ, откуда направится въ Ташкентъ.

КЪ СЕЗОНУ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

А. Н. Дюковой подано въ харьковскую городскую управу слѣдующее заявленіе, имѣющее быть предметомъ обсуждения въ засѣданіи думы.

Обративъ вниманіе Думы на то, что она «не останавливалась ни предъ какими жертвами», г-жа Дюкова пишетъ: «Мнѣ стало совершенно ясно, что такое положеніе вещей не можетъ продолжаться и я, волею неволею, должна обезпечить городское управленіе своимъ заявленіемъ. По моему плуочайшему убѣжденію, безъ поддержки, въ томъ или иномъ видѣ, городского управленія харьковскую драму ожидаетъ вѣрный и, увѣ, близкій кризисъ.

И. Острое безденежье и крайній застой въ дѣлахъ, обусловленный переживаемымъ нами денежнымъ кризисомъ, заставляетъ каждого стремиться къ сокращенію расходовъ, такъ какъ доходы уменьшились самымъ существеннымъ образомъ и въ ближайшемъ будущемъ грозятъ упасть еще ниже. Даже крупные предприниматели терпятъ затрудненія и не находятъ свободныхъ капиталовъ.

II. Но не только общія причины понизили доходность театральнаго дѣла, какъ и всякаго коммерческаго предпріятія въ наши дни: рядъ специальныхъ его особенностей сыгралъ такую-же роль, требуя изъ года въ годъ повышенія расходовъ. Отмѣчу на основаніи документальныхъ данныхъ постоянный ростъ затратъ по самымъ разнообразнымъ отраслямъ театральнаго обихода.

Залогомъ матеріальнаго успѣха для меня служитъ хорошо составленная труппа, а потому никакихъ сокращеній расходовъ по этой статьѣ допустить нельзя.

Напримѣръ, для удержанія въ городѣ Харьковѣ г. Самойлова я должна была послѣдовательно повышать ему ежемѣсячно жалованье съ 500 (сезонъ 189^{0/1}) на 700 (с. 189^{1/2}) и 800 р. (с. 1899—1900), не считая измѣненія къ моей невыгодѣ условій раздѣла бенефисныхъ сборовъ. Г-жи Дячкова и Строева начали служить у меня съ мѣсячнымъ окладомъ въ 550 руб. и дошли уже до 750 р. въ мѣсяцъ. Возросли оклады не только первыхъ персонажей, но и второстепенныхъ артистовъ. Такъ г. Бѣжинъ вмѣсто 100 р. (с. 189^{1/2}) получаетъ теперь 200 р. въ мѣсяцъ. Въ общемъ, если считать стоимость содержанія труппы въ сезоны 189^{1/2} и 1899—1900 гг., то получимъ огромную разницу: въ первомъ случаѣ ежемѣсячный расходъ на жалованье труппы составлялъ 8130 р.; въ сезонъ ей было уплачено 38.617 р. 50 к. жалованья и 3.973 р. 91 к. бенефисныхъ; во второмъ ежемѣсячное жалованье труппы равнялось уже 10.975 руб.; сезонные—60.932 р. 84 к. бенефисные—8.455 руб. 55 коп. Стало быть, по истеченіи всего 4 лѣтъ прибавилось расхода только по этой одной недопускающей сокращеній статьѣ 26.796 руб. 98 коп. въ сезонъ.

Продолжая сличеніе, мы видимъ, что содержаніе портныхъ, бутафора, костюмерши и остальныхъ служащихъ по тѣмъ же причинамъ увеличилось на 88 руб. въ мѣсяцъ или 440 р. въ сезонъ.

Равнымъ образомъ, платежи пожарнымъ, расходы по расклейкѣ афишъ и публикаціямъ возросли на 154 р. 50 к. въ мѣсяцъ.

Но не только гг. артисты и служащіе повысили свои требованія, дороговизна жизни заставила авторовъ взимать за право постановки ихъ произведеній вдвое сравнительно съ недавнимъ прошлымъ, т. е. получать по 4 руб. отъ акта вмѣсто 2 руб., что составляется, по меньшей мѣрѣ, 1,500 руб. лишнихъ въ сезонъ. Иные авторы идутъ еще дальше и выдвигаютъ особыя, повышенныя условія. Такъ наследники графа А. Толстого разрѣшили постановку его извѣстной трилогіи за единовременный взносъ въ 600 руб. и по 75 руб. (вмѣсто 20 руб.) отъ спектакля. Г. Бухаринъ требуетъ 10 0/0 отъ сбора, другими словами, отъ 60 руб. до 130 руб. за представленіе и т. д.

Необходимо также принять во вниманіе неблагоприятныя условія, при которыхъ приходится дѣйствовать провинціальному театру, такъ какъ къ нему прилагаются самыя разнообразныя требованія и онъ долженъ удовлетворять прямо противоположнымъ запросамъ: быть одновременно пріятнымъ развлеченіемъ и проводникомъ просвѣщенія. Въ силу своей общирности и разнообразія провинціальный репертуаръ требуетъ отъ труппы напряженнаго труда, что и вмѣняетъ антрепренеру въ нравственную обязанность имѣть дублеровъ и дублершъ.

Далѣе, въ самомъ Харьковѣ, при незначительномъ числѣ людей, обезвеченныхъ, привыкшихъ къ посѣщенію оперныхъ и драматическихъ представлений, количество увеселеній, бьющихъ на грубые вкусы, за послѣднее время существенно увеличилось; появились и загородные рестораны, отвлекающіе публику извѣстныхъ слоевъ общества.

За аренду театра мнѣ приходится, считая всѣ платежи, вносить ежегодно 31,400 руб., но къ этой суммѣ необходимо прибавить стоимость оставленныхъ за Городскимъ Управленіемъ ложи и кресла перваго ряда, продажа коихъ приносила мнѣ по меньшей мѣрѣ 1500 рубъ въ сезонъ.

Стало быть, за зданіе, стоящее городу 250,000 рублей, взимается годовая аренда въ 34,000 р. такъ какъ городъ, кромѣ вносимой мной платы, сдаетъ въ свою пользу лавки, приносящая мнѣ 1100 руб. Очевидно, что взимаемая сумма находится въ несоотвѣтствіи съ стоимостью зданія, такъ какъ на затраченный капиталъ приходится 136 0/0 аренды.

Между тѣмъ театръ отнюдь нельзя считать доходнымъ предпріятіемъ и на городское управленіе городское положеніе возлагаетъ попеченіе о театрахъ, какъ общепользныхъ учрежденіяхъ.

По собраннымъ мною свѣдѣніямъ отъ театральнаго справочно-статистическаго бюро, состоящаго при русскомъ Театральномъ Обществѣ, оказывается, что условія сдачи харьковскаго драматическаго театра самыя тяжелыя, такъ какъ, напримѣръ въ Вильнѣ, городской театръ сдается бесплатно; антрепренеръ получаетъ 9 тысячъ руб. субсидіи и доходъ съ вѣшалки и буфета. Недавно Кіевъ сдалъ свой превосходно приспособленный городской театръ, стоившій, свыше 1 м. р., за 24,000 р., избавивъ антрепренера отъ расходовъ по освѣщенію, отопленію (стоящему городу въ годъ свыше 18 тысячъ руб.) уборкѣ нечистоты и т. д., но сохранивъ за нимъ доходы съ вѣшалки и буфета. Такимъ образомъ, думы другихъ городовъ, какъ показываетъ прилагаемая справка, стараются облегчить сдачу театровъ, сводя арендную за нихъ плату до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ. Неужели же только управленіе университетскаго и интеллигентнаго Харькова будетъ смотрѣть на театръ, какъ на доходную статью?

Письмо въ редакцію.

М. г. г. Редакторы! Покорнѣйше прошу дать мѣсто на страницахъ Вашего уважаемаго журнала моему письму, въ которомъ я считаю необходимымъ выяснитъ поступки со мною артистовъ: Волгина и Паницина-Камскаго.

Г. Волгинъ въ С.-Петербургѣ подписалъ со мною условіе въ поѣздку по Закаспійскому краю 20-го февраля сего года. За одинъ день до выѣзда всей труппы изъ Петербурга онъ попросилъ, чтобъ я его отпустилъ въ Москву днемъ раньше за вещами, что онъ въ Москвѣ соединится со мною для дальнѣйшаго слѣдованія. Дѣйствительно, по приѣздѣ въ Москву Волгинъ встрѣтилъ меня на вокзалѣ, но съ новой просьбой, чтобъ я ему позволилъ еще остаться въ Москвѣ на одинъ день по семейнымъ обстоятельствамъ. Я ему это разрѣшилъ, но здѣсь же при свидѣтеляхъ просилъ, чтобъ онъ мнѣ сказалъ прямо — приѣдетъ-ли онъ или нѣтъ, если нѣтъ, то я могъ бы въ Москвѣ успѣть взять актера, который замѣнилъ бы его въ репертуарѣ. На это г. Волгинъ отвѣтилъ, что онъ никогда не обманетъ и чтобъ я былъ бы покоенъ.

И что же? Г. Волгинъ не изволилъ пріѣхать, мало того, даже не нашелъ нужнымъ объяснить свой невпріѣздъ.

Пришлось перетасовывать роли, вновь репетировать, ансамбль былъ нарушенъ, трудъ мой какъ режиссера пропалъ даромъ. Теперь перехожу къ другому — режиссеру Камскому. Я кончилъ съ нимъ еще въ январѣ мѣсяцѣ. На первой недѣлѣ поста я ему выслалъ въ Екатеринославль просимый имъ авансъ 50 руб. и получилъ отъ него телеграмму, что онъ авансъ получилъ и будетъ въ Асхабадѣ къ 8 марта. Сегодня 16 число, но г. Камскаго не только здѣсь нѣтъ, онъ даже не считаетъ нужнымъ увѣдомить меня.

Поступки подобныя господъ ставятъ дѣло въ такое положеніе, что труппа въ 20 человекъ можетъ остаться безъ куска хлѣба.

Скоро-ли кончится такое возмутительное отношеніе къ своимъ обязанностямъ среди актерской братіи и будетъ ли положенъ когда-нибудь конецъ такому отношенію?

Примите и проч. В. М. Яновъ.

Диванъ Татьяны.

(Истинное происшествие).

В нашемъ городѣ съ успѣхомъ подвизалась оперно-драматическая труппа. Распорядитель товарищества — онъ-же первый теноръ — весьма рѣдкій, но и весьма подержанный господинъ, давнымъ-давно утратившій голосъ и замѣнившій его хриплымъ умѣньемъ и „игрой“, чрезвычайно хлопоталъ о „роскошной“ обстановкѣ оперы. Невыскаательная провинціальная публика восхищалась и пѣвцами и желтой луной, прорѣзанной въ задней декорации даже не въ видѣ правильной круга и неизвѣнно фигурировавшей, гдѣ только было возможно, и привезенными труппой „роскопными“ костюмами, о которыхъ быть даже особенный анонсъ, и адыповатой бархатной мебели, взятой на прокатъ изъ мебельной лавки. Между содержательницей самой первой мебельной лавки въ городѣ и юркимъ распорядителемъ было заключено условіе, по которому указанная распорядителемъ мебель привозилась изъ лавки къ каждому спектаклю и, по окончаніи его, немедленно увозилась обратно (содержательница не довѣряла аккуратности театральнаго плотника и сторожей, и не рѣшалась оставлять ее въ театрѣ), за что содержательница лавки пользовалась безвозмездно ложей бенуара въ продолженіи всего сезона. Обѣ стороны были довольны другъ-другомъ: распорядитель расплачивался натурой, а содержательница, дама далеко не первой молодости, сильно приправленная косметикой, очень гордилась „собственной“ ложей. Каждый спектакль появлялась она въ сопровожденіи своей дочки, невинно опускавшей глазки подростка, разодѣтая въ пухъ и прахъ, въ „собственной“ ложѣ, раскланивалась съ многочисленными знакомыми и весело болтала въ антрактахъ, обмахиваясь вѣеромъ, съ приходившими въ ложу офицерами мѣстаго полка и молодыми чиновниками. Пробѣжала-ли какая-нибудь черная кошка между ней и распорядителемъ, произошло ли недоразумѣніе, мѣстная хроника такъ, кажется, и не могла установить; но въ одинъ пренебрегаемый для товарищества вечеръ произошла „прискорбный инцидентъ“, какъ нечаянно потомъ выразился въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ мѣстный театральнй хроникеръ...

Было уже часовъ семь очень сквернаго осенне-зимняго вечера. По темнымъ мокрымъ улицамъ изрѣдка дребезжали извозчичьи дрожки. Кое-гдѣ въ подлѣповатыхъ окнахъ небольшихъ домиковъ мелькали огоньки. И только на площади неказистое зданіе деревяннаго театра уже свѣтилось всѣми своими окнами. Около театральнаго подъѣзда тускло горѣли большіе керосиновые фонари. Расхаживалъ мокрый городской. Входная дверь, запечатанная внизу вмѣсто стекла желѣзными листами, все чаще и чаще визгливо хлопала. Это уже начала „валить“ въ театрѣ галерочная публика, любившая забираться пораньше. Начало спектакля объявлено было ровно въ семь съ половиною часовъ. Сборъ предполагался почти полный. Должна была идти во второй разъ опера „Евгеній Онѣгинъ“. Театральные плотники уже освѣтили зрительный залъ; рампа, еще не поднятая, тоже была готова. За кулисами шла большая суетня: спѣшно съ сильнымъ стукомъ устанавливалась декорация первой картины. Артисты кончали гримироваться. Распорядитель, который долженъ былъ изображать Ленскаго, еще въ обыкновенномъ сѣромъ пиджакѣ и малороссійской рубашкѣ, заявилъ а Ю Фигнеръ свои густые черные волосы и густо накладывалъ слои красокъ на увидѣе морщинистое лицо. Онъ нѣсколько разъ нервно выбѣгалъ на сцену изъ общей съ баритономъ и басомъ уборной, озабоченно спрашивалъ: „ну что, привезли наконецъ?“ и неизвѣнно получалъ тотъ-же отвѣтъ: „никакъ нѣтъ“. „Ахъ чортъ возми!“ хватался онъ за голову и исчезалъ въ уборной, гдѣ въ десятый разъ начиналъ жаловаться басу и баритону и бранить содержательницу мебельной лавки за то, что почему то не доставляется мебель, аккуратно появлявшаяся къ 6 часамъ вечера въ дни спектаклей. Басъ — Гренинъ, толстый старикъ съ сизымъ носомъ, выдавшій и не такіе виды, еще не начиналъ гримироваться, потгивалъ пиво, сидя на некрашенной деревянной табуреткѣ, и относился равнодушно къ этимъ іералндамъ, изрѣдка лѣнливо вставая: „ничего, посѣдемъ“ или „обойдемся“. А баритонъ — Онѣгинъ, еще молодой человѣкъ, кумиръ мѣстной публики, недавно попавшій въ провинцію изъ Петербурга, стоя передъ зеркаломъ, уже завитой, приклеивалъ къ щекамъ поненскую бакенбарду и, полуобернувшись къ распорядителю, сказалъ: „это чортъ знаетъ, что такое! Пошли ты Ивана. Что тебѣ двугривеннаго на извозчика жалко?! Распорядитель взглянулъ на часы, стрѣлка приближалась уже къ четверти восьмого.

„Дѣйствительно ничего не подѣлаешь: придется послать“, сказалъ онъ и опять выбѣжалъ изъ уборной. Старшій плотникъ Иванъ точно уже поджидалъ его и, выслушавъ приказаніе какъ можно скорѣе съѣздить въ мебельную лавку и поторопить съ доставкой мебели, схватилъ двугривенный, нахлобучилъ картузъ и бѣгомъ бросился къ подъѣзду, куда уже почти непрерывной вереницей подходила и подѣзжала публика. По счастью мебельная лавка не особенно далеко и минутъ черезъ 20 Иванъ успѣлъ вернуться, но увъ! одинъ... безъ мебели. Запыхавшись, выбѣжалъ онъ въ уборную и заявилъ, что прикащикъ не отпускаетъ мебели изъ лавки и на всѣ настоянія только повторяетъ: „хозяйка не приказала“. Ленскій и Онѣгинъ, оба уже одѣтые и загримированные, такъ и всплеснули руками. Ленскій запустилъ руку въ свои кудри и на мгновение оцѣпенѣлъ, а затѣмъ изъ устъ „юнаго поэта“ такъ и посыпались отборные эпитеты и по адресу хозяйки, и по адресу Ивана и даже ни въ чемъ неповиннаго нашего города. Онѣгинъ нервно большими шагами забѣгалъ изъ угла въ уголъ по тѣсной уборной и нѣсколько разъ повторилъ: „это чортъ знаетъ что! я не стану пѣть безъ мебели“.

Басъ и здѣсь сохранилъ хладнокровіе и когда взрывъ отчаянія распорядителя нѣсколько унялся, успокоивающе сказалъ: „обойдемся! возьми диванъ изъ уборной, у Марьи Антоновны“.

— Диванъ, хорошъ диванъ! взвизгнувъ распорядитель, ну, а кромѣ дивана, что-же мы вѣнскихъ стульевъ что-ли наставимъ или деревянныхъ табуретокъ?! Ахъ, Боже мой, Боже мой, и что это за народъ, что за народъ! схватился онъ опять за свои завитыя кудри. Въ это время дверь уборной отворилась, и вошелъ дирижеръ, испитой молодой человѣкъ съ длинными волосами и сомнительной чистоты бѣломъ галстукѣ.

„Что-же вы, господа, не начинаете? публика уже топчетъ“. Надо замѣтить, что наша публика, особенно галерочная, имѣла обыкновеніе выражать свое нетерпѣніе топотней и криками „пора!“ Ему объяснили въ чемъ дѣло. Составился совѣтъ. Баритонъ горячился и доказывалъ, что надо отложить спектакль. Справились въ кассѣ; оказалось, что непродано только нѣсколько мѣстъ въ первыхъ рядахъ кресель. Оложить спектакль было-бы слишкомъ убыточно. Долго уговаривали баритона и рѣшили послѣдовать совѣту баса — воспользоваться диваномъ Марьи Антоновны, если онъ окажется хоть сколько-нибудь пригоденъ. Между тѣмъ, вѣсть о „прискорбномъ инцидентѣ“ облетѣла кулисы. Марья Антоновна, примадонна, изображавшая Татьяну, толстая, пожилая, нервная и плаксивая дама, всюду видѣвшая интриги, залилась слезами и заявила что это — интрига противъ нея, но что дивана изъ уборной она ни за что не отдастъ, такъ какъ отдается на немъ въ антрактахъ послѣ сильныхъ сценъ. Когда Ольга, водевильная инженеръ, обладавшая маленькимъ голосомъ, и потому исполнявшая вторья партіи въ операхъ, начала ее утѣшать и уговаривать пожертвовать диваномъ, нервная примадонна совѣтъ уже приготовилась впасть въ истерику. Въ это время явился совѣтъ для обревизованія дивана. Диванъ этотъ былъ единственной роскошью по части мебелировки уборныхъ и всегда стоялъ въ уборной примадонны. Распорядитель только отмахнулся рукой отъ нервно икавшей примадонны, и велѣлъ Ивану отодвинуть диванъ отъ стѣны. Диванъ оказался совѣтъ обыкновеннымъ рыночнымъ диваномъ съ потертыми желтыми спиной и ручками, съ провалившимся кое-гдѣ сидѣньемъ, обитымъ краснымъ трикомомъ, мѣстами потертомъ и даже оборваннымъ. Кромѣ того одна ножка его была ненадежна и выдерживала до сихъ поръ только потому, что онъ былъ прислоненъ къ стѣнѣ. Тѣмъ не менѣе, рѣшено было имъ воспользоваться, приведа его предварительно по возможности въ порядокъ, благо онъ не требовался въ первой картинѣ.

— Ну, господа, а другая мебель? сказалъ распорядитель.

— Да ну ее! обойдемся однимъ диваномъ, успокоилъ басъ. Вамъ на балахъ гостямъ стоять поближе къ стѣнамъ. Незамѣтно будетъ... Ну, а въ спальнѣ Татьяны достаточно будетъ дивана, да стола... Соидеть! — махнулъ онъ рукой. Баритонъ поднялъ глаза къ небу, пожалъ плечами, покружилъ головой и процѣдилъ: „чортъ знаетъ, что за безобразіе!“ Савелій началъ выходить изъ уборной, Иванъ съ другимъ плотникомъ потащили диванъ. Распорядитель нѣсколько успокоился и пришелъ въ себя. Между тѣмъ, тонотня явственно и громко доносилась изъ зрительнаго зала, крики „пора!“ сливались въ одинъ гулъ. „Ну, сейчасъ начинать! по мѣстамъ, по мѣстамъ!“ — крикнулъ распорядитель. „Да, а проклятая баба и неужели здѣсь? — хлопнулъ онъ себя по лбу. Подбѣжавъ къ завѣдсу, онъ посмотрѣлъ въ его дырочку. Ложа „проклятой бабы“ была пуста. Побывавъ на первомъ представленіи Онѣгина, коварная лавочница очевидно не торопилась на второе, а можетъ быть

даже хотѣла попасть къ самому интересному моменту, къ четвертой картинѣ. „Выраженіе адской мести“ исказило намазанное лицо распорядителя.

„Иванъ, бѣги какъ можно скорѣй, заколоти покрѣпче гвоздями ложу бенуара № 5, знаешь, лавочница“. Иванъ въ недоумѣніи почесалъ затылокъ. „Ну, что же ты, болванъ, живѣй!“ — затопалъ на него ногами распорядитель. Иванъ бросился исполнять приказаніе. Въ корридорахъ публики уже не было, она въ ожиданіи начала заняла свои мѣста. Къ удивленію городского съ выпученными глазами, одиноко стоявшаго въ корридорѣ около губернаторской ложи, ложа № 5 была заколочена. Стукъ почти не былъ слышенъ въ зрительномъ залѣ за шумомъ нетерпѣливо топавшей и оравшей публики.

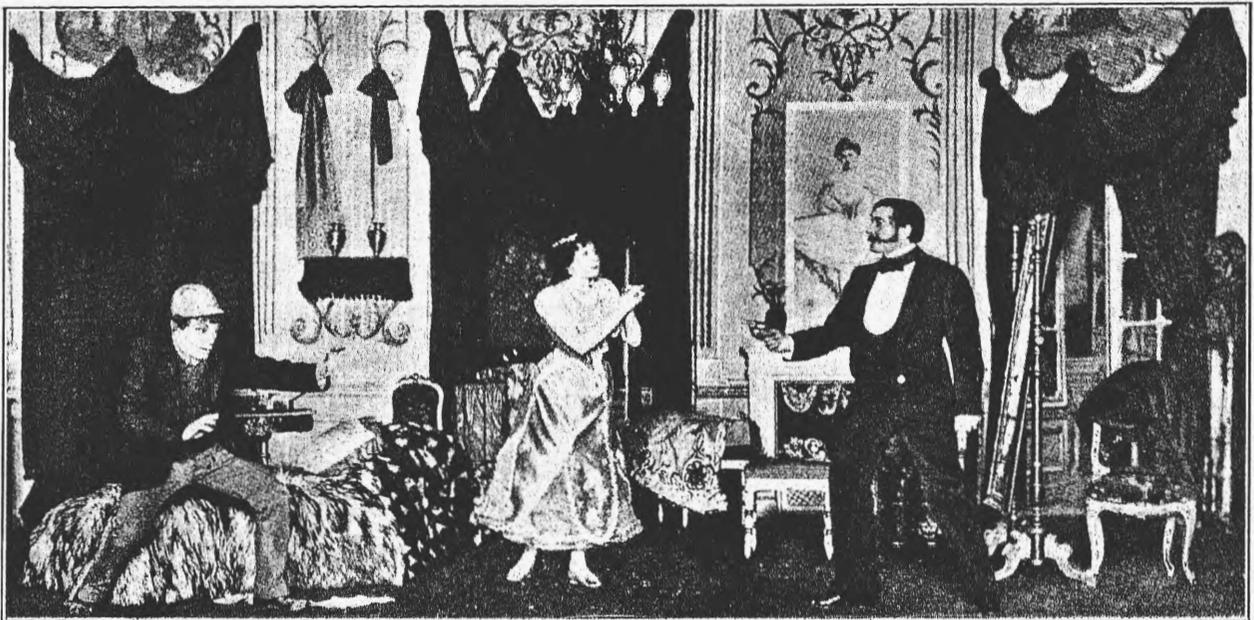
Громко и продолжительно прозвенѣлъ звонокъ.. Публика стихла.. Дирижеръ выбѣжалъ изъ темной двери въ оркестръ, сѣлъ на свой высокій стулъ, полуобернулся къ музыкантамъ, взмахнулъ палочкой, п.. „Онѣгинъ“ начался. Первая картина прошла благополучно,

говору: „ты это зачѣмъ?“ А ень говоритъ: „распорядитель велѣлъ!“

— Ахъ, ахъ! взвизгиваетъ роскошная дама, блѣдная подъ румянами,—это Богъ знаетъ что! я буду жаловаться въ полицію... губернатору!..

Въ это время педагого послышалось звяканье шпоръ; по направленію къ губернаторской ложѣ шель полицеймейстеръ, мужчина весьма представительной наружности. „Анатолій Николаевичъ! — бросается къ нему роскошная дама, ради Бога заступитесь! Здѣсь Богъ знаетъ, что дѣлается!“ Полицеймейстеръ внимательно выслушалъ обиженную, принявъ участіе, далъ окрикъ на растерявшагося городского, допустившаго беззаконіе, и немедленно, звякая шпорами, направился за кулисы. Но какъ онъ ни убѣждалъ разсвирѣбывшаго распорядителя открыть ложу, какъ даже не грозилъ неудовольствіемъ начальника губерніи и непріятными послѣдствіями вообще, тотъ остался непреклоненъ и такъ и не пустилъ въ ложу „проклятую бабу“. Дѣлать нечего! Надѣвъ наскоро бархатную ротонду, въ

НѢМЕЦКІЕ СПЕКТАКЛИ ВЪ АЛЕКСАНДРИНСКОМЪ ТЕАТРѢ.

Злоумышленникъ.

Мимодрама «Рука».
Ж. Гроссъ, танцовщица.

Баронъ.

имѣла успѣхъ даже толстая, пожилая Татьяна, принявшая успокоительныя капли. Во второй — публику нѣсколько удивила слишкомъ ужъ замѣтная пустота въ комнатѣ Татьяны, удивили ее весьма странная кровать, устроенная изъ триповаго дивана, закрытаго простынями, и колченогий столикъ, взятый въ одной изъ уборныхъ и покрытый обыкновенной бѣлой скатертью чуть-ли не съ буфетнаго стола. „Слишкомъ бѣдная обстановка“, отмѣтилъ про себя театральныи хроникеръ. Но провинціальная публика не требовательна, тѣмъ болѣе, что изъ окна декораціи „пустили“ и зеленый лунный свѣтъ и красную зарю потомъ.

Въ антрактѣ, между второй и третьей картиной къ театральному подъѣзду подкатила на собственной лошади содержательница мебельной лавки съ невинной дочкой-подросткомъ. Публика оживленно толпилась по корридору, двери ложъ постоянно распахивались, впуская и выпуская нарядныхъ барышень, офицеровъ, гимназистовъ. Гулъ голосовъ несся изъ буфета, гдѣ такъ и висѣло облако табачнаго дыма. Содержательница мебельной лавки въ слѣгка распахнутой бархатной ротондѣ сильно подвигала и подрумяненная, величественно шла по корридору въ сопровожденіи своей дочки, то милостиво, то любезно отвѣчала на поклонны многочисленныхъ знакомыхъ. Лакей у вѣшалки почтительно разоблачилъ ее и дочку. Она хозяйскимъ шагомъ подошла къ „собственной“ ложѣ, небрежно взялась за ручку двери, дернула, увъ! дверь не открывается. Она немного удивлена, начинается дергать сильнѣй, дверь не поддается.. Кругомъ собирается заинтересованная публика. „Ахъ! что же это, что же это?“! восклицаетъ растерянно роскошная дама, увидавъ вдругъ громадные гвозди. Въ окружающей публикѣ слышны хихиканья и перешептыванья. „Хорошіе знакомые“ старательно прячутся за синами публики. Городовой съ выпученными глазами заявляетъ: „это давеча Иванъ заколотилъ, сударыня! Я ему

сопровожденіи чуть не плакавшей дочки, подъ двусмысленными взглядами столпившейся, чрезвычайно довольной скапдаломъ и посмѣивавшейся публики, роскошная дама должна была пройти опять весь корридоръ, уже не отыскивая глазами знакомыхъ, и исчезнуть за визгливой театральной дверью..

Какъ водится, скандалъ очень расшевелилъ публику и привелъ ее въ оживленное, веселое настроеніе. Толки о немъ не умолкали впродолженіе всѣхъ антрактовъ; „хорошіе знакомые“ злословили напраполю. Третья картина прошла не только благополучно, а даже съ большимъ успѣхомъ, благодаря и общему настроенію и особенно, конечно лимуццу публики—Онѣгину. За то, когда поднялся занавѣсъ передъ четвертой, баломъ у Ларинныхъ, странная пустота на сценѣ были слишкомъ замѣтны даже самымъ наивнымъ и благодушнымъ изъ публики. Съ правой стороны стоялъ только красный триповый диванъ и больше никакой мебели. Правда съ натяжкой можно было-бы допустить, что такъ слѣдуетъ по пьесѣ, что для большаго простора и удобства танцующихъ вынесли всю мебель, но тапцующихъ оказалась только одна пара. Кавалеръ сажалъ свою единственную даму на диванъ и отъ времени до времени опять приглашалъ ее. Нормера танцевъ вообще сильно сократили. На диванѣ могло усѣсться не больше четырехъ человѣкъ, да и то потѣснившись, поэтому хористы и хористки, изображавшіе гостей, почтительно уступали эти мѣста болѣе важнымъ дѣйствующимъ лицамъ, которые и присаживались, чередуясь. Онѣгинъ, впрочемъ, съ злымъ лицомъ все время старательно избѣгалъ даже смотрѣть на диванъ. А Ленскій велъ, какъ сцену на балу, такъ въ особенности послѣдующую сцену дуэли, хотя и съ шпильнымъ вмѣсто пѣнія, но „съ большимъ нервнымъ подъемомъ“, какъ о немъ послѣ выразился въ „Губер. Вѣдомостяхъ“ театральныи хроникеръ. Однимъ словомъ и до

шестой картины все шло благополучно. Но вот и шестая картина—балъ у Гремивныхъ. Зававъсь взвился, и по всему театру сверху до низу пронесся смѣхъ. Въ роскошной съ колоннами и какими-то золотыми разводами залѣ Гремивныхъ стоялъ на этотъ разъ съ лѣвой стороны все тотъ же скромный красный триповый диванъ и ни стула больше. Старый диванъ, съ достоинствомъ занимая свое мѣсто, становился милъ публикѣ, какъ старый близкій знакомый. На этотъ разъ имъ пользовались исключительно почетныя лица: сами хозяева супруги Гремивны и хористы, и хористки, изображавшіе стараго сановника въ голубой лентѣ и важную барыню. Все та же единственная танцовавшая пара. перемѣнившая только костюмы, даже не покушалась занимать его. И въ послѣдней картинѣ появился милый диванъ на этотъ разъ опять въ компаніи съ колченогимъ столомъ, прикрытымъ (откуда-то добытой бархатной скатертью), не смущаясь веселостью публики и явной антипатіей Онѣгина и съ достоинствомъ до конца исполняя свою роль. Всѣмъ своимъ видомъ, скромнымъ и спокойнымъ, онъ какъ-бы говорилъ: „а все-таки я ихъ выручилъ“. И дѣйствительно выручилъ. Благодущная и весело настроенная публика сильно аплодировала и безъ конца вызывала всѣхъ артистовъ, особенно, конечно, любимца Онѣгина и расходясь благодушно шутила: „пу что же, весьма естественно, диванъ пошелъ въ приданое за Татьяной и могъ потомъ очутиться и на балу у Гремивныхъ“, а нѣкоторые мудро прибавляли: „да и дѣло не въ мебели, а въ пѣвцахъ“...

Говорить, что строитивала лавочница подала потомъ мѣстному городскому судѣ жалобу на энергичнаго распорядителя, но городской судья, къ счастью большой театраль, безусловно оправдалъ обвиняемаго.

Александръ Тумский.

НА ПОРОГѢ.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе *).

V.

— Будемъ пить шампанское или не будемъ пить шампанскаго?—спросилъ Котовъ, обращаясь къ Переверзевой.

Они сидѣли въ небольшомъ кабинетѣ. Переверзева и Лиза сидѣли на диванѣ, Котовъ—противъ нихъ на стулѣ. Завтракъ былъ уже конченъ. Котовъ, которому Лиза начинала нравиться, чувствовалъ себя весело и болталъ безъ умолка.

— Конечно, будемъ!—отвѣтила Переверзева, указывая глазами на Лизу.—Надо-же ей показать Москву...

— А развѣ Москва въ бутылкѣ шампанскаго?—спросилъ Котовъ, смѣясь.

— Я никогда еще не пила настоящаго шампанскаго,—сказала Лиза.

Это произвело сенсацию. Котовъ и Переверзева отъ души расхохотались.

— Въ такомъ случаѣ,—воскликнулъ Котовъ,—не допускаю и вопроса. Но вы не можете себѣ представить,—обратился онъ къ Переверзевой,—какъ я вамъ благодаренъ за то, что вы меня познакомили съ вашей подругой. Вѣдь я еще никогда не встрѣчалъ женщины, которая со мной пила-бы свой первый бокалъ шампанскаго. Да здравствуютъ Вендери!—закончилъ онъ, поднимая руки вверхъ.

Подали вино. Котовъ взялъ изъ рукъ лакея бутылку и самъ разлилъ его въ бокалы. Вино запынилось и заиграло въ стеклѣ. Лиза съ большимъ интересомъ слѣдила за тѣмъ, какъ маленькіе пузырьки, рождаясь на днѣ бокала, быстро поднимались наверхъ и пѣнили вино.

— Первый бокалъ шампанскаго! Гм! Знаете, въ жизни современной дѣвушки это, пожалуй, важнѣе, чѣмъ въ жизни современнаго молодого человѣка первый вексель. Первый бокалъ шампанскаго—первый смѣлый шагъ на пути къ самостоятельности и разумному, да, разумному—я не подберу болѣе подходящаго слова,—къ разумному взгляду на людей, чувства, наше назначеніе на землѣ и... и на всѣ такъ называемые предрасудки... Первый бокалъ

Женни Гроссъ.

шампанскаго! Ахъ, чортъ возьми! За здоровье той, которая пьетъ теперь съ нами свой первый бокалъ...

Онъ говорилъ все это такимъ тономъ, что трудно было разобрать, говорить-ли онъ шутя, или серьезно. Впрочемъ, Лиза и не совсѣмъ поняла его. Она поняла только, что Котовъ считаетъ необходимымъ для женщины пить шампанское, а когда она попробовала вино, оно ей очень понравилось, и она скоро выпила весь бокалъ. Тогда Котовъ налилъ ей еще.

Переверзева, улыбаясь, покачала головой и задумчиво проговорила:

— А когда я выпила свой первый бокалъ? Давно! Еще въ Одессѣ... Да, года за полтора до поступленія въ школу. Къ намъ тогда пріѣхалъ на гастроли

*) См. № 9, 10, 11, 12 и 13.

Доровъ. Какой красавецъ! Ахъ, какой красавецъ! Вы, Котовъ, должны его знать. Я была влюблена въ него, какъ кошка. Черные глаза, лучше вашихъ, пожалуй, высокой ростъ, фигура, мягкій голосъ, который дѣлаетъ изъ тебя рабу... Онъ далъ въ Одессѣ пять спектаклей, но за эту недѣлю мы выпили съ нимъ, вѣрно, дюжины двѣ...

Лиза вдругъ захохотала, и такъ, что должна была потомъ долго откашливаться, пока ей удалось прийти въ себя. Переверзева и Котовъ не понимали, въ чемъ дѣло. Но и Лиза не въ состояніи была объяснить какъ слѣдуетъ причину внезапнаго смѣха. Она говорила только, что по поводу Дорова вспомнила, какъ однажды ухаживалъ за нею штабсъ-капитанъ и все соблазнялъ ее тѣмъ, что на ихъ свадьбѣ, если она согласится выйти за него замужъ, онъ угоститъ ее настоящимъ шампанскимъ...

Успокоившись, Лиза сдѣлалась задумчивой. Съ непривычки, она быстро поддавалась дѣйствию вина и послѣ второго бокала начала уже чувствовать опьяненіе. Котовъ, между тѣмъ, велѣлъ подать вторую бутылку. Онъ самъ пилъ не мало и зналъ, что Переверзева свободно можетъ поддержать компанію.

— Доровъ, говорите вы, — сказалъ онъ, щуря глаза на Переверзеву. — Это воспоминаніе, если сказать по правдѣ, мнѣ не особенно нравится. Я, дѣйствительно, знаю Дорова — мужчина боевой. У него взглядъ на женщину упрощенъ до послѣдней степени. Напримѣръ, знаете-ли вы его исторію со Смѣльской-Несмѣльской? Двое дѣтей, въ нуждѣ страшной, болная, несчастная — онъ бросилъ ее какъ перчатку...

— Смѣшно! Женщина сама виновата, если позволяетъ такъ поступать съ собой, — пожавъ плечами, перебила его Переверзева. — Да и кто изъ мужчинъ лучше?

— Все-таки...

— Полноте! — Переверзева сдѣлалась серьезной, при чемъ небольшой лобъ ея покрылся морщинками, а густыя черныя брови сдвинулись. — Ужъ я, кажется, видѣла и знаю многихъ. Если хотите, могу представить полную программу, которой всѣ мужчины слѣдуютъ одинаково. Сначала оживленная бесѣда, желаніе плѣнить остроуміемъ, услужливость; потомъ — старанье побѣдить пылкостью своего чувства, потомъ маневръ мѣняется, и мужчина пытается сбить съ толку всякими афоризмами и парадоксами, а въ общемъ, онъ глупѣетъ, такъ сказать, на глазахъ и не видитъ, что стоитъ только дать ему позволеніе на одинъ поцѣлуй, какъ изъ него можно уже вязать узлы, и не стѣняясь, дѣлать, что угодно. Честное слово! Оттого, должно быть, я и не люблю никого, что ужъ черезчуръ хорошо все это вижу, знаю и понимаю...

— Линочка, — прошептала, наклоняясь къ Переверзевой, Лиза, — у меня голова сильно болитъ. Тутъ душно очень... Шампанское... На воздухъ...

— Не легко достается первый бокалъ! — громко отвѣтила ей Переверзева. — Однако, въ самомъ дѣлѣ пора на воздухъ. У меня тоже голова кружится...

Свѣжій воздухъ окончательно опьянилъ Лизу, и Переверзева увидѣла, что теперь самое лучшее для Лизы — отвезти ее въ номера. Такъ она и сдѣлала, а Котова попросила захватить черезъ полчаса.

— Лизу я оставляю у себя. Пусть отдохнетъ. А мы съ вами, если хотите, поѣдемъ на скачки. Кстати, я давно тамъ не была. Согласны?

Котовъ согласился съ удовольствіемъ и черезъ полчаса онъ уже усаживалъ Переверзеву въ экипажъ, чтобы ѣхать на скачки.

Арсеній Г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентствъ).

ПЕНЗА. На-дняхъ въ общемъ собраніи членовъ драматическаго кружка народнаго театра членомъ совѣта старшинъ В. Е. Благославовымъ былъ прочитанъ докладъ, изъ котораго явствуетъ, что нашъ народный театръ возникъ пять лѣтъ тому назадъ. Нѣсколько любителей драматическаго искусства сошлись обсудить вопросъ о томъ, нельзя-ли устроить въ пользу одного изъ мѣстныхъ просвѣтительныхъ учреждений. Дѣлались самыя робкія предположенія, намѣчались скромнѣйшія задачи. Коронаціонныя торжества дали этимъ робкіямъ, неувереннымъ предположеніямъ сильный толчекъ. Явилась мысль устроить на эти торжества первый народный спектакль. Шло «Бѣдность не порокъ». Первый спектакль, не могъ стать послѣднимъ, всѣ безмолвно рѣшили, что надо развить начатое дѣло. Началась усиленная работа по постановкѣ спектаклей и таковыхъ въ лѣто 1896 г. дано двадцать и слѣдующаго 1897 г. тридцать пять. На этихъ спектакляхъ только 8 ролей сыграны профессиональными артистами, остальные 622 роли исполнены любителями. Всего любителей за два года поступало 89 человекъ. За эти первые два года они платы не получали только нѣкоторые изъ нихъ, около одной шестой части всего состава, воспользовались пособіемъ на возмѣщеніе, далеко неполное, собственныхъ расходовъ по спектаклямъ. Какова-же была эта любительская работа? Каждодневныя репетиціи въ продолженіи пяти мѣсяцевъ, начинавшіяся съ 7 часовъ вечера и кончавшіяся поздней ночью, а не рѣдко по двѣ репетиціи въ день, несмотря, подчасъ, на холодъ, дождь и вообще дурную погоду. Трудъ огромный, утомительный и тяжелый. Это ужъ не минутное увлеченіе, не рыцарство на часъ, а упорное служеніе дорогому дѣлу, изъ за котораго забывались очень существенные личные интересы и необходимый отдыхъ.

Для кого-же работали наши любители? Кто были посѣтителями спектаклей и какое ихъ число? Въ 1896 г. на 15 спектакляхъ было всего 17,765 посѣтителей и 1897 г. на 35 спектакляхъ 56,336, а всего за эти два года 74,104 человека, въ томъ числѣ съ платою по 10 коп. за входъ было посѣтителей 44,261, въ 5 коп. 10,173 и бесплатныхъ 7,652. При этомъ 150—200 мѣстъ раздавались бесплатно.

90% пьесъ въ репертуарѣ театра, какъ нельзя болѣе соответствующимъ задачамъ этого народнопросвѣтительнаго учрежденія. Проскальзывали иногда, хотя, впрочемъ, очень рѣдко, фарсы. Но право-же, въ такомъ большомъ дѣлѣ не всякое лыко въ строку можно поставить. Говорятъ, что рабочій людъ лишень, будто бы, возможности посѣщать нашъ народный театръ потому, что спектакли начинаются поздно и оканчиваются иногда за полночь. Обстоятельство, дѣйствительно, затрудняющее рабочій классъ, но рѣшающаго значенія, однако, не имѣющее. Пятачковые и бесплатные билеты распространялись исключительно въ рабочей средѣ и за два года по нимъ было этого сорта посѣтителей 17.825. Цифра почтенная.

Въ 98 году нашъ кружокъ оформился уставомъ, утвержденнымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Но не въ уставѣ, конечно, дѣло, а больше всего въ томъ, что за общественомъ стояла двухлѣтняя практика, практика обладающая, позволявшая считать наше предпріятіе прочнымъ. Несмотря, однако, на все это — начались невзгоды. Первое и самое серьезное испытаніе пришлось выдержать съ перенесеніемъ зданія театра на другое мѣсто. Вначалѣ сцена была устроена на территоріи сельско-хозяйственной выставки. Въ 1898 году общество сельскаго хозяйства устраивало свою собственную выставку и предложено намъ сочетать театральное дѣло съ выставочнымъ, но, къ сожалѣнію, ставило при этомъ такія невыполнимыя условія, съ которыми въ концѣ концовъ согласиться было невозможно. Нужно было отыскать кредитъ, что, какъ извѣстно, очень не легко слѣлать. Зданіе было готово къ началу сезона, вмѣстѣ съ тѣмъ на кружокъ легъ очень значительный долгъ. Помимо конкуренціи выставки, на нашихъ сборахъ вредно отразилась отдача сцены на нѣсколько спектаклей товариществу артистовъ Императорскаго московскаго малаго театра съ гг. Садовскими во главѣ.

Послѣ отъѣзда Садовскихъ трудно было завлечь публику въ театръ, располагая силами однихъ любителей. Пришлось пригласить на гастроли артистовъ Императорской сцены Кіевскихъ. Съ этого момента въ исторіи нашего народнаго театра начинается серьезный поворотъ въ сторону приглашенія наемныхъ артистовъ, вначалѣ на гастроли, а потомъ и на весь сезонъ за опредѣленную плату. Какъ разъ къ этому времени рвеніе нашихъ любителей значительно поулеглось, кромѣ того нѣкоторые изъ молодыхъ любителей настолько увлеклись театромъ, что пожелали сдѣлаться профессиональными артистами. Проработавши у насъ цѣлыхъ три года бесплатно, эти наиболѣе талантливые представители нашей естествен-

но должны были подумать о хлѣбѣ насущномъ и разбрелись по разнымъ провинціальнымъ труппамъ. Послѣ этого наша труппа осталась безъ постоянного и надежнаго ядра. Это-то ядро и должны были составить приглашенные профессиональные артисты, которые избрали сценическую дѣятельность своей профессіей. Между тѣмъ, совѣтъ старшинъ, переживая съ трудомъ кризисъ въ любительской средѣ, испытываетъ все большія и большія затрудненія и съ матеріальной стороны. При наймѣ требуются авансы, а таковыхъ въ распоряженіи совѣта не имѣется... Эта одна сторона затруднительнаго положенія. Другая состоитъ въ ослабленіи интереса общества къ нашему дѣлу. Это обстоятельство имѣетъ неисчислимо вредныя послѣдствія для дѣла. Одинъ небольшой кружокъ не въ силахъ вести такое крупное предпріятіе, въ чемъ отчасти виноватъ и самъ совѣтъ старшинъ. Издавая цифровые, чисто официальные, требуемые отъ него по уставу отчеты, совѣтъ мало знакомитъ общество съ внутренней стороной дѣятельности кружка. На это могутъ возразить, а многие и возражаютъ, что дѣло само за себя говоритъ. Да, если даже говорить, такъ говорить о своей внѣшней сторонѣ, но всегда, непременно всегда надо знакомить публику не съ одной только внѣшностью. Совѣтъ старшинъ, по нашему мнѣнію, обязанъ выработать иной типъ отчетовъ. Надо, чтобы въ отчетѣ, какъ въ зеркалѣ, отражалась вся жизнь кружка. Таково свойство всѣхъ общественныхъ начинаній: публичность и широкая гласность о нихъ прежде всего. А между тѣмъ, совѣтъ не практикуетъ даже обычныхъ для всѣхъ учреждений годовщинъ, на которыхъ онъ могъ бы знакомить общество съ своимъ дѣломъ. Но и этого сейчасъ мало. Намъ кажется, что совѣтъ долженъ бы и въ ближайшемъ будущемъ созвать представителей всѣхъ существующихъ въ нашемъ городѣ просвѣтительныхъ учреждений, раскрыть передъ ними самымъ обстоятельнымъ образомъ всю суть нашего дѣла, выслушать ихъ замѣчанія и просить ихъ о должномъ вниманіи и содѣйствіи. Содѣйствіе это можетъ проявиться въ самыхъ разнообразныхъ формахъ.

Ближайшимъ послѣдствиемъ этого общенія явится, по крайней мѣрѣ, ослабленіе всякихъ кривотолковъ, которые въ концѣ концовъ деморализуютъ общество и отвлекаютъ его вниманіе отъ несомнѣнно серьезнаго и полезнаго учрежденія.

Нашъ театръ, напр., нерѣдко поругивали за невыдержанность репертуара. Однако, таблицъ пьесъ сыгранныхъ въ народномъ театрѣ, за ничтожными исключеніями, говорятъ за постоянное стремленіе его держаться серьезнаго репертуара. Если же найдется что возразить преобладающему противъ большинства пьесъ, то вѣдь совѣтъ ставилъ вопросъ о репертуарѣ на широкое общественное обсужденіе. Въ 1899 году была избрана репертуарная коммиссія, къ участію въ которой было приглашено 27 человекъ съ правомъ рѣшающаго голоса. Правда было много званныхъ, но мало сравнительно участвовавшихъ: на первое собраніе явилось 16 человекъ. Но это ужъ не вина совѣта. Во всякомъ случаѣ репертуарная коммиссія, хотя и не въ многочисленномъ составѣ отнеслась къ своей обязанности вполне добросовѣстно и подвергла обсужденію до 48 пьесъ.

Остальные кривотолки о нашемъ театрѣ вызваны той же обособленностью заправилъ отъ общественныхъ культурныхъ элементовъ. Впрочемъ, эта коренная ошибка въ дѣлѣ устройства народныхъ развлеченій замѣчается повсюду. Она подрываетъ русскій народный театръ вообще. Взгляните, напр., на отчеты петербургскаго попечительства о народной трезвости: кромѣ малозначущихъ цифръ вы ровно ничего тамъ не найдете. Между тѣмъ, это учрежденіе, тратящее на народные театры ежегодно до 600 тысячъ, должно бы служить образцомъ и примѣромъ для другихъ народныхъ театровъ, если бы только оно съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, не скрывало свою внутреннюю организацию. Также поступаютъ и всѣ другіе же прочно установившіеся народные театры.

ПОЧЕПЪ, Черниг. губ. Прошло болѣе трехъ лѣтъ, какъ въ наше мѣстечко забрела труппа странствующихъ артистовъ, состоявшая изъ пяти человекъ. Труппа очень скоро распалась, такъ какъ перваго любовника бросила его супруга и онъ отправился розыскивать ее по бѣлу свѣту, а за этими двумя—сбѣжалъ еще одинъ артистъ. Два остальныхъ члена труппы г-жа Милославская и г. Гончаровъ остались у насъ и даютъ вмѣстѣ съ любителями спектакли въ клубномъ залѣ.

Полагается два спектакля въ мѣсяцъ, причемъ каждый даетъ отъ 40 до 60 рублей. Свыше этой суммы почти никогда не бываетъ, потому что наша публика слишкомъ изобилуетъ критиками. Ими не принимаются во вниманіе ни средства, ни сцена, на которой можетъ помѣститься не больше пяти человекъ, ни декорации, изъ которыхъ одна изображаетъ облѣзлый лѣсъ, а другая представляетъ обшарпанную комнату, съ красными ситцевыми занавѣсками на дверяхъ.

Многіе считаютъ совершенно излишнимъ платить за мѣсто. Въ крайнемъ случаѣ, взявши за тридцать копѣекъ входной билетъ, иной нарываетъ сѣсть на мѣсто, да еще и въ первомъ ряду, какъ разумѣется и подобающаго ему высокому званію. Вотъ почему, во время спектаклей клубный залъ бываетъ переполненъ, а валовой сборъ не превышаетъ 40—60 рублей, при расходѣ въ 30—40 рублей.

Съ любителями нашими тоже возни не мало. Во-первыхъ, прежде чѣмъ поставить пьесу, приходится бѣгать къ каждому любителю по двадцати разъ и чуть-ли не со слезами на глазахъ умолять его принять участіе въ спектаклѣ. Кое-какъ труппа собрана и начинаются репетиціи. Но тутъ одинъ не явился, другой заставилъ себя ожидать два часа, третья просила послать за нею извозчика, когда всѣ соберутся, а когда за ней послали, то она заявила, что по всей вѣроятности участвовать не будетъ, потому что предполагаетъ уѣхать гостить.

Недавно нашей публикѣ, собравшейся на спектакль ровно въ 1/2 8 вечера, предоставлено было право слоняться изъ угла въ уголъ до 1/2 11 часа, а между тѣмъ за кулисами въ это время происходилъ спектакль совершенно другого рода, суть котораго заключается въ слѣдующемъ. Въ пьесѣ «Вторая молодость» роль Готовцева взялся исполнять нѣкто г. С., проживающій въ Гомелѣ, но съ тѣмъ, что такъ какъ онъ по служебнымъ дѣламъ не можетъ навѣрно сказать, — будетъ-ли участвовать въ спектаклѣ, то чтобы за него, на всякій случай, репетировать эту роль другой, изъ мѣстныхъ любителей.

Такъ оно и было. Но когда къ спектаклю явились оба претендента на одну и ту же роль, то между ними произошло «объясненіе», и ни одинъ не хотѣлъ уступить роли другому.

Наконецъ кое-какъ ихъ удалось уговорить. Тогда одна изъ любительницъ заявила, что она ни въ какомъ случаѣ не будетъ играть съ г. С. и отказывается отъ спектакля.

Въ половинѣ одиннадцатаго, послѣ всего «пережитаго», наконецъ, начался спектакль.

Все это было-бы смѣшно...

К. П.

ОДЕССА. Неурожаи и денежный кризисъ, какъ видно, ничуть не отражаются на нашихъ театральныхъ дѣлахъ. Сборы въ театрахъ не понижаются, но даже возвышаются. Въ городскомъ театрѣ заканчиваются гастролы Л. В. Яворской. Публика, подогрѣтая сообщеніями объ отказѣ Л. В. Яворской принять участіе въ пресловутыхъ «Контрабандистахъ», посѣщаетъ ея спектакли съ большимъ усердіемъ. Сборы даютъ по 1100 руб. на кругъ при 1600 р. полного сбора. Художественный успѣхъ сомнителенъ. Публика и пресса разбались на два лагеря, но въ общемъ, всѣ сходятся въ одномъ мнѣніи, что для постоянной труппы это полезная и дароватая артистка, но не гастролерша. Репертуаръ спектаклей слѣд.: «Заза (2 р.)», «Дама съ Камелиями», «Изеиль», «Madame Sans Gêne», «Фру-Фру», «Три сестры», «Малка Шварценкопфъ», «Борьба за счастье» (2 р.). Наибольшій успѣхъ артистка имѣла въ пьесѣ «Борьба за счастье». Наименьшій въ «Малкѣ Шварценкопфъ»; нѣкоторая часть публики свистала, выразивъ неодобреніе за постановку нехудожественной пьесы. Цѣль, конечно, была сорвать сборъ, но и это не удалось, такъ какъ сборъ былъ найхудшій. Изъ остальныхъ артистовъ труппы очень большимъ успѣхомъ пользуется молодой артистъ Александринскаго театра Ю. М. Юрьевъ. Сравнительно выдѣляется г. Петросьянъ, къ сожалѣнію выступающій въ мало подходящихъ для него роляхъ. Остальная труппа ниже всякой критики. Въ дивертисментѣ въ одномъ изъ спектаклей выступилъ князь В. В. Барятинскій, всюду сопровождающій свою супругу Л. В. Яворскую. Въ Русскомъ театрѣ продолжаютъ спектакли опереточной труппы г. Новикова, продолжающіе дѣлать сборы. Поставлена была комедія В. В. Протопопова «Рабыни веселья». Постановка была очень тщательная и наибольшій успѣхъ имѣли г-жа Никитина и г. Блюменталь-Тамаринъ, выступившіе на сей разъ въ драматическихъ роляхъ Лены и тапера.

На смѣну опереткѣ въ Русскій театръ привѣзжаетъ опера Боролина съ г. Медвѣдевымъ и Каміонскимъ во главѣ. Въ городскомъ театрѣ начнутся гастролы артиста М. В. Дальскаго. Въ попечительствѣ трезвости со 2-го дня Пасхи начинается спектакли вновь организованная труппа, сформированная артистомъ Н. Селивановымъ, приглашеннымъ въ качествѣ режиссера. Открытіе состоится 2-го апрѣля. Идетъ комедія Островскаго «Безъ вины виноватые». Въ составъ труппы входятъ артистка Таманцева и гг. Долинъ, Залѣсовъ, Яковлевъ и др.

Концертный сезонъ закончился небольшимъ скандаломъ привѣзла пианистка г-жа Пекменъ, развѣзавшая по редакціямъ газетъ и привозившая конверты съ деньгами для гг. сотрудниковъ съ просьбой о рекламированіи. Въ одной изъ газетъ день появилась большая рекламная статья одного фельетониста, вызвавшая «обмѣнъ мыслей» среди нашей прессы, — обмѣнъ, едва не закончившійся дуэлью.

Б. Е.

О В Ъ Я В Л Е Н И Я.

Театръ „ФАРСЪ“

(бывш. Панаевскій у Дворцоваго моста).

Дирекція А. М. Горинь-Горайновъ и В. А. Казанскій.

Понедѣльникъ, 2-го Апрѣля: въ 1-й разъ, 1) „НАКАЗАННЫЙ ДОНЪ-ЖУАНЪ“, новый фарсъ въ 3 хъ дѣйств. 2) „НОЧЬ г-жи МОНТЕССОНЬ“, фарсъ въ 3-хъ дѣйств.

Вторникъ, 3-го: 1) „КЪ САМОЙ КРАСИВОЙ ЖЕНЩИНѢ“, фарсъ въ 3-хъ д. 2) Въ 1-й разъ, „ПЕЛЕНКИ“, фарсъ въ 3-хъ дѣйств.

Среда, 4-го: „НАКАЗАННЫЙ ДОНЪ-ЖУАНЪ“, фарсъ въ 3-хъ дѣйств.

Четвергъ, 5-го: 1) „КЪ САМОЙ КРАСИВОЙ ЖЕНЩИНѢ“, фарсъ въ 3 хъ д. 2) „ПЕЛЕНКИ“, фарсъ въ 3-хъ дѣйств.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЗАЛЪ

Зданія для просвѣтительныхъ цѣлей, въ городѣ Полтавѣ

сдается на лѣтній и зимній сезонъ. Объ условіяхъ спра- виться: въ Полтавѣ—въ Городской Управѣ или у Предсѣ- дателя Комиссіи, въ Москвѣ—въ Театральныхъ Бюро. №3363. 4—4.

ЭОЛІАНЪ

новый инструментъ, устрояющій работу пальцевъ играющаго. Темпъ, сила звука и инструментовка остаются въ полномъ распоряженіи играющаго, который при- даетъ всѣ желаемыя оттѣнки исполняемой пьесѣ простымъ выдвиганіемъ регистровъ.

Новое изобрѣтеніе обратило на себя вниманіе многихъ музыкальных знамени- тостей вполнѣ признавшихъ его значеніе съ точки зрѣнія художественнаго испол- ненія музыкальных пьесъ любителями, не имѣвшими музыкальной подготовки въ дѣтствѣ и не играющими на клавиатурныхъ инструментахъ.

Имѣются отзывы Сарасате, Эд. Колоннѣ, Эд. де-Решке, Н. В. Галкина, Палерев- скаго, Ауэра и друг.

Цѣны Эоліанамъ 225, 300, 400, 550, 600, 900, 1,200 и 1,500 руб.

Ноты къ нимъ въ громадномъ выборѣ отъ 1 р. 50 коп. и дороже.

№ 2311. 52—34.

Прейсъ-курантъ и списокъ нотъ бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ: Б. Морская, № 34. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на изданіе

КНИГА 2-го СЪѢЗДА

сценическихъ дѣятелей

Изданіе журнала «Театръ и Искусство». «Книга» будетъ состоять изъ двухъ ча- стей: неофициальной, со многими иллю- страціями, статьями и характеристиками и официальной (подъ ред. комисіи по организаціи Съѣзда), заключающей про- токолы, труды и доклады Съѣзда.

Цѣна обоймъ томамъ по подпискѣ— 2 руб., для подписчиковъ журнала 1 р. 80 к. съ пересылкой. При заявленіи о подпискѣ можно прилагать 1 р., на- ложивъ на остальныя деньги платежъ. По выходѣ въ свѣтъ, цѣна, на книгу будетъ увеличена.

Деньги адресуются въ контору журнала С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Моховая, 45.

КАРАМЕЛЬ

изъ грудныхъ травъ

ОТЪ КАШЛЯ и отдѣленія МОКРОТЪ

„КЕТТИ БОССЪ“

В. Сомадони, въ Кіевѣ.

Главн. складъ у АЛЕКСАНДРА ВЕН- ЦЕЛЯ, С.-Петербургъ, Гороховая 33. Цѣна металл. кор. 25 к. Мал. кор. 15 к.

Продается всадѣ.

3321 13—13

Въ г. Ставрополѣ

ГУБ. ТЕАТРЪ СВОБОДЕНЪ,

Отдается спектaculaльно и на сезоны.

3366 3—3.

Я употребляю

НА ПОМОЩЬ ВОЛОСАМЪ!

Элеопатъ провизора КИНУНЕНА.

Рекомендуется какъ средство для волосъ, спо- собствующее быстрому росту ихъ и уничтожа- ющее головную перхоть.

Элеопатъ пр. Кинунена находится въ про- дажѣ 23 года и ЕЖЕГОДНО расходится десятками тысячъ флаконовъ, что доказываетъ его несомнѣнную пользу во- лосамъ. Элеопатъ пр. Кинунена имѣется къ услугамъ публики во всѣхъ аптекахъ, апте- карскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Им- періи. Цѣна флакону 1 р. 50 к., 2 фла- конна высылаются почтою въ Европейскую Россію за 4 рубля.

Главный складъ: Разъѣзжая ул., № 13.

Адресъ для писемъ: „Складъ элеопата Кинунень“. № 3322. 30—24.

ФАБРИКА НЕВСКІЙ и СКЛАДЪ №34

Р. ЛЮТЕРМАНЪ

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ БЕЗПЛАТНО.

№ 3351. 26—9.